

Евгений СУХОВ

Я - ВОР В ЗАКОНЕ

ВЕСЕЛЫЙ РОДЖЕР -
ЗНАМЯ ВОРА

Сомалийские пираты

Евгений Сухов

Веселый Роджер – знамя вора

«ЭКСМО»

2010

Сухов Е. Е.

Веселый Роджер – знамя вора / Е. Е. Сухов — «Эксмо»,
2010 — (Сомалийские пираты)

Российский олигарх Павел Ефимцев сделал дочери Насте роскошный свадебный подарок – яхту. Новобрачные хотят немедленно испытать судно и отправляются в круиз по Индийскому океану. Но у берегов Африки яхту захватывают сомалийские пираты. Теперь олигарху придется выплачивать крупный выкуп. Между тем начальник службы безопасности Ефимцева приходит к неожиданному выводу: информация о морском путешествии дочери миллиардера каким-то образом просочилась в криминальные круги, и захват яхты был спланирован задолго до отплытия. Но кто задумал дьявольский план? Кто-то из сотрудников Ефимцева? Или, может быть, конкуренты? В любом случае эти люди намного страшнее и опаснее пресловутых сомалийских разбойников...

© Сухов Е. Е., 2010

© Эксмо, 2010

Содержание

Часть I	5
Глава 1	5
Глава 2	10
Глава 3	13
Глава 4	16
Глава 5	20
Глава 6	25
Глава 7	26
Глава 8	30
Глава 9	35
Глава 10	39
Конец ознакомительного фрагмента.	42

Евгений Сухов

Веселый Роджер – знамя вора

Часть I

ПИРАТСКИЙ ЗАХВАТ

Глава 1

ДУРНОЕ ПРЕДЧУВСТВИЕ

25 АВГУСТА

Закрепив парус под углом к корпусу судна, Дмитрий Тимин отступил на шаг – получилось надежно. В косой парус тотчас ударил сильный порыв ветра, придав яхте заметное ускорение. Настя, закрыв глаза, лежала на корме, подставив под лучи заходящего солнца стройное тело.

Зная, какой Анастасия бывает в огромном шумном городе: хваткой, требовательной, неустрашимой, сейчас с трудом верилось, что это именно она не шелохнувшись лежит часами на солнце. В зависимости от ситуации она могла быть весьма несговорчивой, а если чувствовала, что ее бизнесу угрожает вполне реальная опасность, так могла и вовсе быть беспощадной. В общем, крепкий бизнесмен с мужскими мозгами и женским телом. Ее воли и устремленности хватило бы на целую роту спецназовцев, а потому с трудом верилось, что подобные качества могли выпасть столь хрупкой девушке.

Хотя, если подумать, удивляться не стоило: всему виной гены.

Отец Насти был хозяином шести металлургических заводов, разбросанных по всей России. В своем кругу он зарекомендовал себя как дельный и очень дальновидный предприниматель, и это при том, что начинал с низов, с обыкновенного мастера литейного цеха.

Нужно признать, что надо было иметь незаурядный волевой характер, чтобы пробиться в самый верхний эшелон бизнеса, туда, где бушуют такие шторма, что удержаться может только очень сильный человек. Тут одного нахрапа маловато, нужны сильные мозги и умение разбираться в тайнах дипломатии, что дается далеко не каждому.

Вот дочке по наследству и перепал столь редкостный сплав.

Так что пускай понежится, после отпуска ее ожидает суровая борьба за существование.

* * *

Яхта (вполне в духе олигархов) была свадебным подарком отца Насти.

Выждав, когда свадебное веселье пошло на убыль, а гости стали понемногу расходиться, Павел Егорович Ефимцев взял молодых под руки, незаметно вывел их из ресторана и, усадив в свой «Бентли», покатил на Фрунзенскую набережную.

Когда они вышли из машины, Ефимцев показал на крейсерскую яхту, скромно прижавшуюся к гранитной серой стене, и торжественно объявил:

– Теперь эта яхта ваша. Я назвал ее «Лидия», в честь матери Анастасии. Жаль, что сейчас она не с нами.

Увидев белоснежную совершенно новую яхту, слабо покачивающуюся на волнах, Дмитрий чуть не задохнулся от ребячьего восторга. Такое совершенство он мог наблюдать только

в рекламных проспектах, воспевающих дорогую и интересную жизнь, – и вот теперь он становится обладателем посуды стоимостью, как минимум, пять миллионов евро.

– Справишься? – небрежно спросил тесть, буравя Дмитрия взглядом.

– Думаю, что да, – сдерживая ликование, ответил Тимин.

– Я слышал, что ты выступал за свой яхт-клуб на международных соревнованиях и даже занимал первые места.

– Было дело, – сдержанно кивнул Дмитрий, справляясь с нахлынувшей радостью. – Но в последний раз я появлялся в яхт-клубе года три назад. – И, заметив, как напряглось лицо тестя, поспешно добавил: – Но вряд ли за это время я забыл, как управляться с яхтой, руки по-прежнему помнят.

Яхта была хороша, даже если посмотреть на нее мельком. Она относилась к крейсерскому классу и имела три просторные каюты. В длину – почти двадцать метров, так что обогнуть на такой посудине земной шар при хорошей подготовке – дело весьма реальное. Душу грело то, что производителем яхты была Италия, где испокон веков были прекрасные мореходы и первоклассные судостроители, осознававшие и учитывавшие все нюансы дальнего плавания. По форме корпуса яхта была килевая, ее днище плавно переходило в балластный киль, что еще больше повышало остойчивость посуды. Три мачты с аккуратно уложенными парусами напоминали невест на выданье. В них не было даже малейшего изъяна. Пожалуй, она действительно была безупречна. Ею хотелось обладать, причем немедленно.

Дмитрий по трапу сошел на палубу, почувствовав, как привычно колыхнулась под ногами палуба. Навыки мореплавателя, которые, казалось, уже подзабылись, проснулись мгновенно, он поймал себя на том, что пытается определить направление ветра: сейчас самое подходящее время, чтобы расправить бермудские паруса и отправиться в длительное плавание.

За ним, осторожно ступая, на палубу поднялись Настя и тесть. Переглянувшись, оба неожиданно улыбнулись, они не могли не видеть, как по-мальчишески вспыхнули азартным огоньком глаза Дмитрия. Парню явно не хватало моря и вот такой яхты, чтобы осуществить свои самые рискованные фантазии.

– Я готов отправиться в плавание прямо сейчас, – сказал Дмитрий, критически осматривая мачты: типичная углепластиковая конструкция, никакого дерева. Оно и к лучшему!

Любовно погладил грот-мачту. Интересно, а из чего выполнены рейки? Любопытствуя, Дмитрий задрал голову и уже более не замечал стоящих рядом, полностью погрузившись в изучение конструкции мачты.

Так оно и есть: рейки тоже из углепластика. Любвеобильный папаша ничего не жалеет для своей единственной дочурки.

– Ну, прямо сейчас ни к чему, – по-деловому высказался Павел Егорович, – надо как-то подготовиться, хотя бы запастись продуктами и водой, а вот через пару недель, пожалуйста! Только для начала советую не отправляться особенно далеко. Надо сначала попривыкнуть к яхте, испытать ее возможности, как она поведет себя на большой воде, и только после этого можно отправляться в путь.

– Я бы хотел пройти вдоль Африки, – признался Дмитрий. – У меня с детства такая мечта. Можно идти не спеша, останавливаться в удобных местах и затем двигаться дальше.

– Ой, как ты это здорово придумал! – восторженно поддержала его Анастасия. – Я ведь тоже всегда мечтала побывать там. В Африке такие необыкновенные пляжи. Покупался, позагорал – и плыви себе дальше. Можно столько много всего интересного увидеть: африканскую природу, зверей – слонов, бегемотов...

– ...львов, крокодилов, – улыбаясь, подхватил Ефимцев. – Но уверяю тебя, что лучше таких зверей наблюдать с борта яхты. – Его лицо вдруг приняло озабоченное выражение. – Хотя в настоящее время нужно больше опасаться не зверей, а двуногих существ. Слышала о том, что вчера в Аденском заливе пираты захватили немецкое судно?

– Папа, ну о чем ты говоришь? – возмущенно воскликнула Анастасия. – Какие еще пираты! Их всех давно уже разогнали. Ты газеты хоть читаешь? Сейчас в этом Аденском заливе военных кораблей больше, чем рыбы! Кого там только нет: и американские суда, и датские, и японские, и китайские... Там просто не протолкнуться! Откуда же взяться пиратам? А потом, ведь в Аденском заливе плавают масса всевозможных судов: фрегаты, яхты, шхуны, сухогрузы... По-другому, волков бояться, в лес не ходить.

Успокаивающе подняв ладони, Павел Егорович отшутился:

– Ладно, я все понял. Сдаюсь!

Дмитрий лишь слегка улыбнулся. Было понятно, что дочь у Ефимцева ходит в любимицах, и возражать ей он не посмеет. Когда Павел Егорович смотрел на дочь, то даже морщины на его лице разглаживались, он начинал выглядеть значительно моложе и делался добрее. Это маленькое хрупкое существо со светло-русыми волосами способно было вить из него веревки.

Да что там веревки – канаты!

Повернувшись к Дмитрию, Павел Егорович мгновенно перестроился, утратив изрядную долю обаяния. Вроде бы и смотрел вполне дружелюбно, старался выглядеть своим парнем, но в действительности на него взирал жестковатый человек с повадками хищного зверя. Наверняка он был необычайно хитер. Окажись ненароком в его крепких объятиях, так не знаешь, от чего придется помирать: не то от чрезмерной любви, не то от лютой ненависти. Во всяком случае, Дмитрий вывел для себя непреложное правило: с таким человеком, как Павел Егорович Ефимцев, следовало выдерживать расстояние, четко соблюдая свое личное пространство.

– По Средиземному морю ходил?

Вроде бы и вопрос несложный, и смотрел тесть доброжелательно, но у Дмитрия возникло ощущение, словно он проходит самый сложный тест, и от этого теста зависит его дальнейшее благополучие. Даже вспотел!

Он старался выглядеть вполне безмятежно.

Приходилось, но только вдоль европейского побережья. Канны, Ницца... А так в основном – Черное море.

Приятные воспоминания колыхнулись в душе. Были же времена – блеск солнца, колыхание волн, синева небес...

Тесть кивнул:

– Канны, стало быть... Вижу, что это путешествие тебе запомнилось. Сейчас – совсем другое дело.

– Я понимаю, но ведь...

– Не перебивай. Сделаешь вот что: тщательно разработаешь предстоящий маршрут, а потом покажешь его мне.

– Сделаю. Без проблем.

– Запомни, я всегда должен знать ваше местонахождение в любое время дня и ночи. Ты меня понял?

В этот момент вокруг произошли какие-то серьезные, почти незаметные глазу перемены: вечер, насторожившись в ожидании проливного дождя, по-прежнему оставался душен; воздух в свете ночных огней, как и прежде, прозрачен, но вместе с тем все пространство словно уплотнилось до состояния какой-то вязкой массы. Невольно возникало ощущение, что через эту массу не протолкнуться.

– Разумеется, сделаю так, как вы говорите.

* * *

Следующие три дня, обложившись справочниками разного рода, Дмитрий прокладывал на карте маршрут от Москвы до Кейптауна. Он старался учесть множество факторов:

преобладающие ветра, климатические условия, наиболее благоприятные места для стоянок – буквально все, что могло бы способствовать их комфортному плаванию. А когда, наконец, работа была выполнена, он, в сопровождении Насти, которая не хотела отпускать мужа даже на минуту, отвез свои изыскания на утверждение Павлу Егоровичу в офис. Тот принял молодых в своем кабинете, отложив намеченное совещание.

Просмотрев маршрут и детально изучив поясняющие записи, Ефимцев, поморщившись, вынес свой вердикт:

– Путешествие длинное, и оно не стоит всех тех рисков, которые в него вложены. Предлагаю тебе на первый раз сократить круиз раза в два. Проходишь до Танзании, делаешь небольшую остановку в Танга и идешь в обратную сторону. Что ты на это скажешь?

Павел Егорович играл в показной демократизм, попробуй тут возразить! Дмитрию оставалось лишь делать вид, что их беседа проходит на равных.

– Конечно, очень разумно.

– И еще хотелось бы сказать, – олигарх сделал выразительную паузу. Выдерживать молчание было нелегко. Надо полагать, что подобная пауза партнеров Ефимцева по бизнесу вгоняла в душевный трепет. Дмитрий невольно собрался, следовало показать, что он не лыком шит и способен выдержать паузу продолжительностью в вечность. – Дочь для меня все. Если с ней что-нибудь случится... Ну, ты сам понимаешь, чего же мне еще говорить. Ты – ее муж и должен нести за нее полную ответственность.

– Я все понимаю, Павел Егорович, все будет в порядке, – ободряюще улыбнулся Дмитрий, чувствуя, как его губы становятся деревянными.

– Мне бы не хотелось тебя пугать, но все-таки не мешает приобрести пару стволов, – откинулся Ефимцев на мягкую спинку кресла.

Дмитрий слегка пожал плечами.

– Думаю, что до этого дело не дойдет.

Павел Егорович лишь сдержанно хмыкнул:

– Хотелось бы верить. Но все-таки стволы не помешают. Как говорится – ствол, он и в Африке – ствол. Со стволами я тебе помогу. У тебя будет хорошее оружие. Сейчас это не проблема, – уверенно сказал Павел Егорович. В его слова верилось охотно: тесть из тех людей, что знают цену слова.

– Может, оно и ни к чему. В Черном море пиратов нет...

– Ты так думаешь? – усмехнулся Павел Егорович. – Я тебе не говорил о том, что когда-то тоже ходил на яхтах?

– Что-то не припоминаю, – пожал плечами Дмитрий.

– А вот ты послушай. Последний раз это было три года назад. И ходили мы как раз по Черному морю. Я вот тоже думал, что там нет пиратов, а как отошли километров на сто пятьдесят от берега, так к нам, откуда ни возьмись, подошел катер с пятью вооруженными людьми. Кто они такие и откуда взялись в море, я до сих пор не знаю. Кричали они не по-русски, да и речь их из-за ветра было сложновато понять, а тут еще и шторм усилился, нашу легкую яхту стало кидать на волнах. Они пробуют на абордаж нас взять, а у них ничего не получается. Столкновение даже произошло. Тогда они нам борт носом разбили, слава богу, не очень сильно. Мы потом без особого труда его залатали, а у них поломка посерьезнее случилась. Так и разошлись. А ты говоришь – пиратов там нет. Они могут встретиться где угодно. Когда у тебя в руках оружие, то люди начинают тебя уважать, понимают, что они могут получить свинец в голову. И прежде чем совершить какую-нибудь пакость, они об этом серьезно подумают. С оружием в турецкой части плавать уже нельзя, там с этим очень серьезно. Так что когда будешь проходить Босфор, его у тебя просто отберут. От тяжелого оружия избавишься, а вот пару пистолетов оставишь на всякий случай, запрядешь куда-нибудь под обшивку, особенно

смотреть они не станут. И чтобы оно у тебя было всегда! Пограничники больше напирают на фейс-контроль, турки считают себя страной цивилизованной.

– Хорошо, я так и сделаю.

– Пройдешь Босфор с Дарданеллами, а там вам будет полегче. В Средиземном море нет такого произвола. Дальше пойдешь в Суэцкий канал. В Красном море можешь тоже особенно не напрягаться, там обычно много туристов, для Египта они как священные животные, так что ты можешь чувствовать себя в некоторой безопасности, но расслабляться все равно не стоит. На выходе из Красного моря, в Йемене, купишь пару автоматов с боекомплектком...

– Где же их там купить? – удивился Дмитрий.

– По этому поводу можешь не беспокоиться, они там продаются на любом базаре. Возьмешь что-нибудь поубойнее. Из «узи» тебе приходилось стрелять?

– Доводилось, – сдержанно признался Дмитрий, не вдаваясь в подробности.

– Вот и отлично, – обрадованно кивнул Ефимцев. – Израильское вооружение там в большом ходу, сам убедился во время отпуска два года назад. «Узи» – идеальная вещь для ближнего боя. А скорострельность у него такая, что целый взвод можно положить всего за пару секунд. Вот когда войдешь в Аденский залив, то встретишь там самое настоящее испытание, так что будь готов ко всему.

– Не думаю, что нас может ожидать что-то страшное.

– Честно говоря, я тоже на это надеюсь, – негромко произнес Павел Егорович. – Но все-таки оружие следует держать в масле. На всякий случай... Для пиратов международного уровня вы мало интересны, тех больше интересуют суда покрупнее. Автоматы рассчитаны на тех, кто будет атаковать вас на убогих лодчонках, да с кремниевыми ружьями. Не исключено, что такие найдутся.

– Папа, ты нам говоришь такие вещи, как будто бы мы отправляемся не в свадебное путешествие, а на войну, – с укором произнесла Анастасия. – У нас такой позитивный настрой, а ты заставляешь нас думать о каких-то пиратах, разбойниках... Может, нам вообще теперь никуда не отправляться, а все время сидеть взаперти в четырех стенах?

– Все, молчу, молчу! – сдался Павел Егорович. – Больше не скажу ни слова!

После этой фразы он вернул Дмитрию карту, выразительно посмотрев на озабоченное лицо зятя. Тимин едва сдержался, чтобы не поежиться, взгляд означал одно: ты за все в ответе, парень, и с тебя спрос!

* * *

И вот сейчас, проходя Красное море и глядя на разбитые яхты, что во множестве встречались по берегам, Дмитрий осознал, что Павел Егорович во многом прав.

– Ты не хочешь позагорать? – подняла голову Анастасия.

– Надо закрепить паруса, – отозвался Дмитрий бодрым голосом, усиленно стараясь, чтобы его дурное предчувствие каким-то образом не передалось девушке. – Ночью сделать это будет сложнее. Ветер нехороший, к берегу гонит.

Глава 2

УЯЗВИМОЕ ЗВЕНО

10 АВГУСТА

Поднявшись с широкого кожаного кресла, Абу Рахим подошел к окну и скрестил руки на груди. С верхних этажей небоскреба хорошо была видна деловая часть Лондона. Громадьё зданий, облаченных в изящную гранитную облицовку, легко прорывающих небо, впечатляло. У многих созерцавших этот вид невольно возникало чувство некой потерянности и собственной несостоятельности, где-то даже беспомощности. Но Абу Рахим не без гордости осознавал, что он является частью этого делового мира, и люди поменьше, те, кто топчет асфальтовые тротуары, не могут увидеть его без риска потерять собственные шляпы.

С высоты небоскреба даже самые большие проблемы кажутся незначительными, а жизнь – бесконечно долгой. На самых верхних этажах заключаются сделки, которые влияют на экономическую политику целых государств и даже континентов, а слова, сказанные мимоходом, способны сломать самую блестящую политическую карьеру.

Абу Рахим не оставил свою мечту забраться на самый верх, откуда можно дотронуться до одежды Аллаха, но для этого нужно быть терпеливым и по камушкам складывать собственное благополучие. Он в ожидании посмотрел на телефон, стоящий на полированном столе: с минуты на минуту должен прозвучать звонок, способный улучшить его благосостояние на пять миллионов долларов, и это всего-то за пятнадцать минут разговора. Подобные сделки происходят далеко не каждый день.

Дважды Абу Рахим сам хотел позвонить, один раз он даже взял телефонную трубку и набрал номер, но тотчас положил ее на рычаг, услышав длинные гудки: не следует форсировать события, все должно проходить эволюционным путем без всякого видимого вмешательства извне.

У Абу Рахима имелось немало оснований гордиться собой. То, что случилось с ним, иначе как чудом и не назовешь. Разве мог бы кто подумать о том, что обыкновенный парнишка из глухой сомалийской деревушки, до семнадцати лет не наедавшийся досыта, сумеет стать преуспевающим адвокатом, и в списке его клиентов будут значиться самые влиятельные фигуры Лондона.

Причем выходцев из Африки в этом небоскребе работало всего лишь шестеро, и среди них он – самый высокооплачиваемый, несмотря на молодость, – капитализм умеет ценить таланты. Нужно по-настоящему обладать комплексом каких-то особенных качеств, чтобы белые воротнички приняли тебя в свое сообщество и воспринимали как равного. Ведь за долгие годы существования делового центра сложились целые династии, образовались влиятельнейшие кланы, которые с настороженным недоверием встречают всякого чужака. Только неординарная личность способна проникнуть в этот тесно сплоченный круг.

В этом здании, где каждая линия дышала гармонией, ничего не делалось просто так. Здесь царствовал строгий порядок. Каждый человек в небоскребе, соизмеримо своему статусу и должности, занимал подобающее помещение: для кого-то оно было всего-то в пару квадратных метров, чтобы уложить там чистящие порошки и поставить пылесос; для кого-то, как у генерального директора корпорации «Современные технологии», кабинет был почти в двести метров. Абу Рахим занимал помещение поскромнее – сорок квадратных метров, но людям, успевшим состариться в этом небоскребе и всю жизнь деливших небольшую комнату с дюжиной таких же клерков, как и они сами, успех молодого негра, которому едва перевалило за тридцать, казался просто фантастическим.

Адвокат Абу Рахим не однажды замечал, что посетители, перешагивающие порог его кабинета, испытывают некоторое замешательство. И дело было не только в большой площади: стены его кабинета украшало необычное убранство – там были закреплены панели из слоновой кости, по углам, явно смущая посетителей, были развешены маски из черного дерева, словно напоминание о его происхождении.

Выдвинув ящик стола, он посмотрел на два кожаных ошейника, лежавших рядом. Именно такие вменялось носить рабам в Древнем Риме. Сейчас в них ходят все мужчины Сомали. Правда, в нынешние времена в этот предмет вкладывался религиозный смысл. На первом ошейнике, очень узком в диаметре, который он носил до десятилетнего возраста, красивой арабской вязью было выведено: «Никто кроме Аллаха». На втором, что был уже пошире, который он снял, когда поступил на учебу в европейский колледж, значилось: «Аллах велик! Он имеет сто имен и имя ему бог». Абу Рахим готов был подписаться под каждым словом. С тех пор он никогда не расставался с этими ошейниками и носил их всегда с собой. Они стали для него своеобразными тотемами. Наверняка его сотрудники удивились бы этому чудачеству, узнав, что в своем столе он держит вещи, указывающие на его плебейское происхождение. Но по его мнению, ни один человек не должен забывать своих корней.

Задвинув ящик стола, адвокат подошел к высокому зеркалу и привычно растянул губы. Свою располагающую улыбку Абу Рахим выработал усиленными тренировками, шлифуя ее перед зеркалом, добиваясь непринужденности и полнейшей гармонии. Улыбка обязана располагать клиентов и обезоруживать недоброжелателей. Судя по тому, что врагов у него было не так уж и много, а количество клиентов лишь увеличивалось с каждым днем, его доброжелательная внешность и отточенная улыбка производили впечатление на тех и на других.

Да, внешние данные в его бизнесе играют немалую роль. Абу Рахим поправил яркий полосатый галстук. Кто бы мог подумать, что сомалийский юноша из бедной крестьянской семьи когда-нибудь поменяет набедренную повязку на дорогой итальянский костюм из тончайшего шелка.

Женщины находили его привлекательным, и дело тут было не только в больших деньгах, что он получал в последние годы, и в престижной клиентуре, обивавшей порог его кабинета. Он совершенно не походил на своих соплеменников, как правило, невысокого росточка и необыкновенно тощих, – был мускулистым и высоким. Кроме того, в нем, несмотря на смольной цвет кожи, было больше от европейского мужчины, чем от африканца: семейное предание гласило о том, что девочек из его клана частенько отдавали в услужение к богатым португальцам. А уж последние как могли разбавляли густую сомалийскую кровь.

Абу Рахим посмотрел на упорно молчавший телефон: все-таки пора дать о себе знать. Но едва он устроился в кресле, чтобы позвонить, как аппарат затрещал сам; звонок показался ему в этот раз на редкость пронзительным.

Подняв трубку, он сдержанно, как и полагается человеку его положения, произнес:

– Слушаю.

– Вчера вечером они вышли из Одессы, яхта называется «Лидия», – сообщил ровный спокойный голос на приличном английском. – Мои люди наблюдают за ними; как только они войдут в Средиземное море, я вам сообщу.

– Хорошо. Нужны фотографии, как выглядит яхта.

– Будут. Я отправлю вам их по этому адресу.

– Договорились. Куда они пойдут потом?

– Дальше они сразу направятся к берегам Красного моря, некоторое время потратят на изучение тамошних достопримечательностей, а потом пойдут в Аденский залив.

– Мне нужно знать, когда они будут проходить Суэцкий канал.

– Я вам сообщу попозже.

– Хорошо, буду ждать.

– Скоро они будут у вас. Встречайте!

Абу Рахим едва сдержал вздох облегчения. Настроение заметно улучшилось.

– Хорошо, брат, я тебя понял. Мы будем их ждать.

И положил трубку. Теперь очередь за ним. Быстро набрав номер, он дождался ответа абонента и коротко переспросил:

– Абдулла Хамди?

– Он самый, хозяин.

– Слушай меня внимательно. Яхта называется «Лидия». На ней будут двое: молодые мужчина и женщина. Фотографии яхты я вышлю тебе позже и скажу время, когда она будет проходить через Суэцкий канал. Смотри не пропусти!

– Хорошо, хозяин.

– Вышлешь мне фотографии яхты, когда найдешь ее, я должен быть уверен, что мы ничего не напутали.

– Хорошо, хозяин.

Всего-то один звонок, а к цифре в пять миллионов долларов он приблизился почти вплотную. Как хорошо быть богатым! Там, где он сейчас находится, на самом верху, очень легко делать деньги. Важно только знать, где их лучше всего поднять, правда, этому искусству он учился долгие годы, поднимаясь все выше и выше. Труднее всего приходится рыбакам, например, его отцу, который за корзину свежей рыбы готов ежедневно рисковать собственной жизнью – и все это для того, чтобы прокормить восьмерых детей.

Абу Рахим был седьмым...

Если рассказать отцу, что миллионы долларов можно заработать, даже не выходя из роскошного кабинета, тот посчитал бы его пустым хвастуном.

Открыв журнал «Форбс», лежавший на столе, адвокат Абу Рахим с интересом принялся рассматривать крепкого русоволосого мужчину с добродушной улыбкой. В списке богатейших людей мира он занимал девятнадцатое место, а в России и вовсе шел под вторым номером. Если он будет продвигаться и дальше столь же стремительно, то уже через какой-нибудь год войдет в пятерку самых богатых людей планеты. Звали этого человека Павел Егорович Ефимцев. Даже бездушная бумага не сумела скрыть его невероятной харизмы: такие люди, оказавшись на политическом олимпе, обычно перекраивают карту мира, а если судьба уготовила им роль стать крупными военачальниками, они грезят лишь о громких победах. Но этот человек был крупный предприниматель, и в том, что в кратчайший отрезок времени он сумел увеличить свой капитал до миллиарда долларов, не было ничего удивительного. Уж таков его характер. Для таких людей, как Павел Ефимцев, не существует половинчатых решений, и уж если они занялись производством, то в красный угол ставят только прибавочную стоимость. Они не успокоятся до тех самых пор, пока, наконец, не сделаются первыми. Такие люди по своей структуре революционеры, им недостаточно того, что они имеют, они всегда стремятся получить все самое лучшее, даже если им придется расплачиваться за все по самому высокому тарифу. Родись Ефимцев немного пораньше и окажись волею судеб в лагере Че Гевары, так без колебаний отправился бы совершать мировую революцию.

Такие сильные люди обычно позволяют себе маленькие слабости. И слабостью Ефимцева была его единственная дочь – Анастасия, вышедшая полтора месяца назад замуж за своего одноклассника. Парню очень повезло: он сумел вместе с красавицей женой обрести еще и покровительство всемогущего тестя.

Десять дней назад молодые отправились в свадебное путешествие и в этот самый момент двигались вдоль побережья Черного моря в сторону пролива Босфор. Абу Рахим победно растянул губы: так что дочь была не только слабостью Ефимцева, но и весьма уязвимым звеном в его защите.

Глава 3

ПИРАТСКИЙ НАБЛЮДАТЕЛЬ

20 АВГУСТА

Расположившись в ряд, на якорях стояли многотонные суда и терпеливо дожидались своей очереди для прохода по Суэцкому каналу. Кому здесь было проще, так это небольшим кораблям и яхтам, которые двигались в фарватере большегрузных кораблей. На фоне гигантских лайнеров они смотрелись словно крохотные воробушки среди стада слонов. Невольно создавалось впечатление, что они будут затерты этими гигантами. Но нет, обходилось без происшествий, и каждое судно дисциплинированно следовало своим ходом, ведомое по проливу катерами лоцманов.

Кому нелегко, так это супертанкерам с большой осадкой, терпеливо стоявшим перед Суэцким каналом: им придется слить часть своего груза на суда, принадлежащие каналу, чтобы не застрять на двадцатидвухметровой глубине, а уже после того как они пройдут канал, груз будет возвращен им.хлопотно, разумеется, но по-другому ничего не получится.

Абдулла Хамди работал на канале уже восьмой год, но не переставал удивляться его величю, а также транспортному потоку, что неиссякаемо двигался через длинный узкий перешийек. Канал по гению инженерной мысли можно было вполне сравнить с настоящим чудом света, таким же, как египетская пирамида Хеопса. Хотя внешне, возможно, он выглядел весьма своеобразно: вода стояла вровень с берегами, так что канал напоминал гигантскую канаву, до краев наполненную водой. Невольно создавалось впечатление, что достаточно будет подняться волне, как вся вода из него выплеснется на берег. Однако ничего подобного не происходило. Абдулла Хамди не упускал случая, чтобы полюбоваться прохождением по каналу большегрузных кораблей: создавалось впечатление, что они просто величественно движутся по раскаленной пустыне.

Но сейчас у него был личный интерес: два часа назад он получил информацию о том, что через Суэцкий канал будет проходить некая яхта «Лидия», и ему хотелось посмотреть на то самое судно, из-за которого возникло столько переполоха.

И это само по себе было весьма странно. Одно дело – огромное судно с большим водоизмещением и экипажем, и совсем другое – крошечная яхта, которая на фоне других судов выглядит просто щепкой. Не бог весть какой экипаж – молодые мужчина и женщина, так что не очень понятно, что же именно так взволновало Абу Рахима.

В администрации Суэцкого канала Абдулла Хамди работал четвертый год. Входил в группу чиновников, которая взимала плату с малых судов за прохождение канала (по-своему весьма значительная карьера, о которой мечтают многие), именно это обстоятельство позволяло ему быть в курсе всех передвижений кораблей. Вчера к обеду были составлены очередные бумаги на прохождение судов, среди которых русская яхта с предельно малым водоизмещением «Лидия» значилась в списке четырнадцатой. Было определено и время, в какое она должна пройти по Суэцкому каналу. И Абдулла Хамди решил не опаздывать.

Для наблюдения за передвижением судов наиболее подходящим местом был мост «Мубарах», соединявший города Порт-Саид и Исмаилию. Мост возвышался над каналом почти на сотню метров. Невольно возникало ощущение, что с этого моста виден не только Суэцкий канал, но и весь Синайский полуостров.

Абдулла Хамди выехал ровно в шестнадцать часов, время, когда солнышко клонится к закату.

Оставив машину у конической башни, он подошел к стальным тросам моста и посмотрел на Суэцкий канал, в центре которого, в окружении четырех лоцманских катеров, двигался аме-

риканский корабль, груженный боевыми вертолетами и истребителями. Зрелище впечатляло: через каких-то десять минут судно окажется под мостом. А немного позади, держась ближе к берегу, словно опасаясь быть раздавленной гигантом, двигалась небольшая яхта с поднятым парусом. Вот только никак не удавалось прочитать ее название.

По мосту, грохоча на стыках, пронеслись большегрузные автомобили, но Абдулла Хамди не замечал их, его внимание было приковано к небольшой яхте, которая на значительном отдалении и вовсе выглядела крошечным белым пятнышком.

Достав из салона автомобиля бинокль, он прижал окуляры к глазам. Теперь он мог сказать, что яхта, несмотря на свои малые размеры, выглядела вполне убедительно и была оснащена современным оборудованием. Мастера сумели вписать в нее все самое передовое и лучшее, что имелось в яхтенном строении на сегодняшний день. Так что на такой посудине не стыдно было отправиться даже в кругосветное путешествие.

А у этого русского яхтсмана неплохой вкус: в шезлонге, раскинув руки, в открытом купальнике загорала длинноногая блондинка. Надо признать, что парень тоже был хорош: мускулистый, с прекрасно развитым торсом. Наверняка немалую часть жизни он провел в спортивном зале, да и с парусами управляется очень грамотно. Такие мужички женщинам нравятся. Вот только... что же нужно Абу Рахиму от этой молодой пары?

Хотя какое ему дело? Ведь ему платят не за то, чтобы он размышлял, а за информацию обо всем интересном, что происходит на Суэцком канале.

Морской военный корабль медленно входил под мост, точно между раскачивающимися на волнах полосатыми бакенами. И теперь Абдулла мог убедиться, насколько же крейсер был огромен. Такое зрелище может заморозить кого угодно.

А следом за военным судном потянулись еще три сухогруза, выстроившись рядком: каждый из них водоизмещением не менее ста тонн. Они напоминали послушную стайку утят, плывущих за заботливой мамашей. Эти три судна значились под семнадцатым, восемнадцатым и двадцатым номерами. Хозяином первых двух кораблей был судовладелец из Мальты, однако шли они под флагом Марокко, а вот хозяином третьего сухогруза был предприниматель из Китая, но шел он под флагом Анголы. Груз самый обыкновенный – в первых двух древесина, в третьем – металлические трубы. Экипаж каждого судна был вполне интернациональным и состоял из двадцати двух человек.

Абдулла Хамди отложил бинокль: теперь он хорошо мог рассмотреть суда невооруженным взглядом. Увидел, как экипажи судов, собравшись у бортов, рассматривали унылые берега Суэцкого канала. Это только поначалу может быть интересно, а потом понимаешь, что никакого чуда ждать не следует, взгляд всюду натывается на выжженную землю, вот только разве что под гигантским мостом, спрятавшись в тень, рос невзрачный кустарник.

Экипаж трех судов состоял в основном из филиппинцев. Оно и понятно, наиболее дешевая и в то же время очень квалифицированная корабельная сила. Впрочем, в предпоследнем сухогрузе в экипаже был норвежец, а вот в последнем – швед. На такую работу они могли отважиться только из-за любви к экстриму, другое объяснение подобрать трудно.

Боковое окно капитанской рубки на первом сухогрузе было распахнуто, и Абдулла мог рассмотреть рулевого, стоящего за штурвалом: черноволосый, коротко стриженный человек в фирменном кителе. Судном он управлял уверенно, не отвлекаясь по сторонам, короткая шкиперская борода делала его несколько старше, хотя в действительности ему было не более сорока лет.

Достав фотоаппарат, Абдулла Хамди сфотографировал суда, максимально приблизив каждое из них.

Вытащив телефон, он уверенно набрал нужный номер.

– «Лидия» только что прошла под мостом.

– Хорошо, – прозвучал в ответ энергичный голос. – Есть ли еще что-нибудь интересное?

– Имеется, три судна-сухогруза.

– Что у них за груз?

– В первых двух – древесина. В третьем – металлические трубы. Экипаж каждого судна по двадцать два человека. Первое судно называется «Мадина», второе – «Звезда Африки», а третье – «Каролина». Сегодня же я вам отправлю все данные по этим судам вместе с фотографиями.

– Договорились. Но фотографии должны быть качественными.

Суда двигались медленно, не больше шестнадцати миль в час. Через каких-то четырнадцать часов они окажутся в Красном море, где попадут под надзор точно такого же наблюдателя. Как весьма ценную ношу корабли будут передавать от одного наблюдателя к другому, пока наконец сухогрузы не окажутся у берегов Сомали.

– Фотографии будут хорошими. Вы узнаете эти сухогрузы даже в темноте, – заверил Абдулла. – Я случайно узнал, что на судне «Мадина» проходит стажировку племянник премьер-министра. Парень хочет быть капитаном.

– Очень интересная информация. Мы будем иметь это в виду.

Сухогрузы один за другим проплывали под висячим мостом. Теперь они не казались такими уж маленькими: двигались друг за другом аккуратно, между двумя берегами, как будто бы по прочерченной линии. И Абдулла Хамди, не жалея времени, снимал силуэты уходящих судов.

Просмотрев снимки, он остался доволен. Теперь можно возвращаться в Исмаилию.

Глава 4

НАПАДЕНИЕ ПИРАТОВ 28 АВГУСТА

За три прошедших недели они прошли не одну тысячу километров. Черное, Мраморное и Средиземное моря миновали без приключений, с удовольствием общались с экипажами других яхт, что встречались на их маршруте, и взахлеб делились пестрыми, многочисленными впечатлениями.

Никто из них не упоминал о пиратах.

Тревога зародилась сразу за городом Джидда в Саудовской Аравии, близ небольших островков, просыпанных в море, будто горстка гороха. На их отмелях встретились сразу три затопленные яхты, две из которых, по всей видимости, старые, успели обрасти водорослями и кораллами. То, что над ними поглумился не шторм, было понятно с первого же взгляда: борта были проломлены самым нещадным образом. Такое случается тогда, когда есть намерение спрятать судно от посторонних глаз: коралловые рифы способны укрыть не одну страшную тайну, так что с экипажем могло случиться самое страшное. Названия яхт тоже не разобрать, борта были пробиты точно в тех местах, где обычно значится название судна.

Проплывая мимо островов, они встретили небольшую яхту, экипаж которой состоял из немолодого мужчины лет шестидесяти пяти и его супруги, молодящейся женщины примерно того же возраста. Без излишних причитаний они поведали о том, что близ Адена они подверглись нападению пиратов, догнавших их на двух моторных лодках. Переглянувшись, престарелая чета дружно сошлась на том, что в этом «приключении» им очень повезло, так как они лишились всего-то немногих драгоценностей, включая обручальные кольца. Зато у них осталось судно, и теперь, несмотря на суровые испытания, они способны собственными силами добраться домой.

Так же спокойно поведали они о злоключениях трехкорпусной яхты, с которой они вошли в злополучный Аденский залив. Хозяином яхты был крепкий симпатичный итальянец лет тридцати. Когда на него напали пираты, он, вооружившись ножом, решил отбиваться от них. Однако подобный героизм ни к чему не привел, уже на третьей минуте борьбы его повалили на палубу, связали по рукам и ногам, а затем, раскачав, выбросили за борт в море.

На одной из отмелей Дмитрий увидел огромную яхту: грот-мачта, переломленная в трех местах, лежала на песчаной отмели, а паруса, будто бы саван, накрыли корпус. Хотелось верить, что люди, находившиеся на ее борту, оставались в живых, но судя по обломкам, что были разбросаны на берегу, шансов на подобный исход было маловато.

Прижавшись к Дмитрию, Настя спросила:

– Как ты думаешь, а те люди, что плыли на этой яхте, живы?

Его губы невольно поджались: в эту минуту они думали об одном и том же. С некоторых пор у Дмитрия появлялось ощущение, что их сердца бьются в такт.

– Хотелось бы верить, что они спаслись.

* * *

К вечеру решили бросить якорь близ небольшой сомалийской деревушки, раскинувшейся на берегу залива. С воды поселение выглядело вполне идеалистически, будто написанное на холсте: жилища цилиндрической формы с плоскими крышами из тростника. Неподалеку от хижин горели костры, на которых женщины готовили еду. Дмитрий даже почувствовал запах жареной рыбы. Немного поодаль в глубине деревушки стояли длинные прямоугольные

жилища (Дмитрий знал, что они называются ариши) с такими же саманными стенами, что и у хижин, но вот крыши их были из пальмовых листьев. У одного из домов, собравшись в тесную дружную стаю, сидели бабуины и заинтересованно посматривали на подплывшую к берегу яхту.

Из ближайшей хижины вышла женщина с кувшином. Оранжевая материя, выполнявшая роль платья, туго обхватывала ее широкие бедра (отчего ее шаги казались размашистыми) и поднималась к плечам, оставляя правое плечо обнаженным. На шее женщины Дмитрий даже рассмотрел бусы из каких-то разноцветных камушков.

Более спокойное место трудно было отыскать на всем восточном побережье Африки.

– Тебе нравится? – спросил Дмитрий, повернувшись к Анастасии, которая расторопно колдовала подле камбуза: нарезав помидоры с огурцами, заливала их подсолнечным маслом.

Оторвавшись на минуту от приготовления салата, она посмотрела на багровое солнце, заходящее в расщелину между двумя острыми скалами, и негромко сказала:

– Какая красота, разве такое может не понравиться?

В чем-то она была права. Странное дело, но Дмитрия все же не покидало ощущение тревоги. Что-то было не так, но что именно – понять было сложно. Может, потому, что перед ним был другой континент, находящийся за тысячи километров от родного дома, а в такой ситуации даже придорожный камень может восприниматься враждебно. Тишина на фоне заходящего багрового солнца казалась почти пугающей. И в то же самое время безбрежная морская гладь будто бы успокаивала, притупляла все чувства.

Павианы, напоминая бездомных собак, перебегали от одного жилища к другому. Что-то пронзительно кричали, возможно, выпрашивали еду.

– Места и вправду удивительные, – отозвался Дмитрий.

Чувство опасности болезненно стиснуло виски. Надо было что-то делать с этими ощущениями. Но что?

Анастасия понесла в каюту салат, нарезанный хлеб.

– А может, переберемся в какое-нибудь другое место? – предложил Дмитрий, пристально всматриваясь в берег, когда Настя вновь вернулась к камбузу.

В дальних хижинах начиналось какое-то оживление, заставившее напрячься органы чувств до предела.

– Неужели тебе здесь не нравится? – почти возмутилась девушка. – Я так устала от этого безлюдья. Всюду океан – и ничего больше! А потом – просто страшно, ты посмотри, что на море-то делается, сколько вокруг яхт потоплено! А ведь на них были люди, возможно, что многие из них просто погибли. А эти аборигены хоть как-то нам помогут, если с нами что-то вдруг случится.

– Уж эти помогут! – буркнул Дмитрий. – Взгляни лучше вон...

Последнюю фразу Тимин не договорил. Поселок, безлюдный всего-то минуту назад, вдруг наполнился людьми, среди которых выделялась группа мужчин, одетых в национальную одежду: набедренные повязки, а через плечо по диагонали материя из белой ткани. Что-то отчаянно крича, они решительным шагом направились к берегу. И тут Дмитрий обратил внимание, что у некоторых из них в руках поблескивали кинжалы. Где-то рядом, привлекая к себе внимание, бабахнул оружейный выстрел; ему вдогонку столь же грозно бухнул еще один, выглядевший на фоне ночного неба ярким всполохом.

Несколько мужчин, сбрасывая на бегу сандалии, бросились в море и вплавь, проворно взмахивая руками, стали стремительно приближаться к яхте.

– Что за черт! – невольно выругался Дмитрий. – Да это же пираты! Ничего себе поселок! Да оставь ты свой салат! – прикрикнул он на Настю. – Нам сейчас головы отрежут! Паруса поднимай!

Выскочив на палубу, Дмитрий увидел, как трое сомалийцев уже спускали на воду небольшую узкую убогую лодчонку. Ахнул еще один выстрел, и пуля упруго врезалась в борт яхты.

Паруса, наполненные ветром, выгнулись и уверенно сдвинули яхту с места. Она плавно повернулась.

От берега уже отходили три лодки, гребцы усиленно налегали на весла, приближаясь к судну с каждым гребком.

– Подними якорь! – закричал Дмитрий на подскочившую Настю. – Да не свались же ты, этого нам еще не хватало!

Раскрыв саквояж, он вытащил из него «узи» и, вскинув автомат, дал длинную очередь по наседавшим пиратам. У бортов лодок предостерегающе булькнули мелкие фонтанчики, заставив гребцов замедлить ход.

На какое-то время в деревне воцарилась тишина. Факелы в руках сомалийцев, стоявших на берегу, рвали темноту в клочья и бросали красные всполохи на их напряженные темные физиономии. Лодки продолжали двигаться по инерции, все более сокращая расстояние. Палец привычно покоился на спусковом крючке, выбирая подходящую мишень. До ближайшей лодки было метров двадцать, и Дмитрий отчетливо видел лица пиратов, чуток растерянные, но совершенно не испуганные. Казалось, что они не могли смириться с тем, что добыча, которая всего-то несколько минут назад была так доступна и к которой достаточно было лишь протянуть руку, чтобы ухватить ее за шкурку и швырнуть на берег, вдруг огрызнулась автоматным огнем.

Хладнокровно, словно он находился в тире, Дмитрий принялся выбирать подходящую мишень. Ствол автомата застыл на сомалийце в синей наплечной накидке, сидящем на носу лодки и зорко контролировавшим каждое его движение. Человек с таким пронизательным взглядом может быть только лидером. Достаточно одного точного выстрела, чтобы изнутри взломать иерархическую лестницу.

Между потенциальной жертвой и убийцей всегда существует невидимая постороннему глазу связь, и Тимин словно невольно прочитал его мысли и почувствовал его откровенный страх, ему даже показалось, что он разобрал слова молитвы, которой сомалиец пытался заговорить пулю, находящуюся пока в стволе.

По левому борту забренчала металлическая цепь (Настя наконец подняла якорь), и яхта, почувствовав свободу, легко тронулась в сторону открытого моря, рассекая водную гладь.

Зло и, видно, на прощание в грот-мачту смачно врезалась тяжелая пуля, заставив вздрогнуть натянутые паруса. Приподняв чуток ствол, Дмитрий мстительно выпустил короткую прицельную очередь и, не скрывая злорадства, наблюдал за тем, как пираты, униженно вжав головы в плечи, смотрят на фонтанчики, взметнувшиеся у самого борта лодки.

Яхта уверенно набирала скорость. Сначала в сгустившихся сумерках сделались неразличимыми лица нападавших, потом размазанными стали выглядеть контуры фигур, а вскоре растворился и берег, став всего-то невыразительной плоской полоской с крохотными искорками, – то были отблески далеких костров.

В темноте лицо Анастасии выглядело светлым пятном, лишенным какой бы то ни было индивидуальности, хорошо различимы были только глаза: огромные и влажные. В этот самый момент в них отразилась половина звездного неба, и, только всмотревшись, Дмитрий сумел понять, что в глубине радужки плещется самый настоящий страх. Он с досадой подумал о том, что вероятно точно такой же страх запечатлен и на его лице.

Неожиданно Анастасия отвернулась и громко зарыдала.

– Ты чего? – приобнял Дмитрий жену за плечи.

– Ты на меня кричал, – преодолевая рыдания, всхлипнула девушка. – Мне ведь было очень страшно!

– Извини меня, я был не прав. Но ты видела, что творилось. Я ведь должен был защищать тебя. Что я сказал бы твоему отцу, если бы с тобой что-нибудь случилось?

К горлу подкатил ком, и это волнение нужно было немедленно преодолеть: не тот случай, чтобы проявлять слабость, пусть женщина видит, что он – железобетонный.

Подняв на мужа глаза, девушка попросила:

– Обещай мне, что больше никогда не будешь повышать на меня голос.

– Глупенькая... Такое обещание мне дать несложно. Обещаю!

Вскоре негостеприимный сомалийский берег закрылся чернотой океана, поблескивали лишь всполохи костров, иногда прорывавшиеся из глубины мрака. Вместе с уходящим берегом как-то незаметно утихли их недавние переживания.

– Дима, мне становится страшно. Я даже не думала, что эти люди могут быть такими жестокими. Ведь мы же им ничего не сделали. Они ведь могли нас убить. Может, вернемся, пока не поздно?

Настя озвучила то, о чем он сам думал последние дни, но из ее уст правда прозвучала особенно пронзительно. Хорошо, что была ночь, и девушка не могла увидеть, как напрягалось его лицо.

– Хорошо. Я тебя понимаю. Завтра мы повернем обратно. Мы с тобой уже неплохо путешествовали, многое увидели, так что не будем больше искушать судьбу.

– Скорее бы наступило это завтра, – вздохнула Настя.

Даже в темноте он увидел просветлевшее лицо девушки.

Глава 5

«СЕЙЧАС ВЫЛЕТИТ ПТИЧКА»

28 АВГУСТА

Только отойдя на большое расстояние от берега, Дмитрий почувствовал себя спокойно. Взглянув на приборы, он определил, что яхта находилась в нескольких километрах от коридора, выделенного международными организациями для прохода грузовых судов. Проход этот охранялся военными кораблями.

Всмотревшись вдаль, он увидел большое судно, мерцающее многими огнями. До него было километров шесть, а может быть, немного и поболее, сразу так и не определишь. Оно и неплохо, есть надежда, что в случае нападения пиратов фрегат прибудет за считанные минуты. Осталось только включить сигнальные огни, чтобы не быть раздавленным в темноте каким-нибудь проходящим многотонным танкером, и можно отправляться спать.

– Ты успокоилась? – бодро спросил Дмитрий у примолкшей Насти.

Она сидела в углу каюты, ее красивые глаза слегка припухли – следы недавних переживаний. Даже ростом она сделалась как будто меньше.

– Немного, – вяло сказала Настя.

– Вот и славно, – все тем же бодрым голосом продолжал Дмитрий. Ему хотелось верить, что он источает непоколебимую уверенность, что выглядит очень убедительно, но он понимал, что его настроение все же наиграно, а несокрушимость в собственных силах, какая у него была всего-то три часа назад, дала основательную трещину. – Вот сейчас мы включим огни и ляжем с тобой под теплое одеяло. А там у тебя разом пройдут все страхи.

Анастасия сделала попытку улыбнуться.

– Ты вправду этого хочешь?

– Больше, чем когда-либо. А потом – ты не забыла? – хитро прищурился Дмитрий.

– Что такое? – насторожилась Настя.

– Сегодня годовщина нашего знакомства.

– Верно! Какой ты молодец, что не забыл. Я ведь тоже об этом помнила всю поездку, хотела сделать праздничный ужин, да как-то в последний день вся расклеилась. Ты уж извини.

– Не тревожься, Настя, я все приготовлю сам. Сейчас принесу из камбуза бутылку шампанского. нарежу мяса, фруктов. Извини, что я не приношу тебе по утрам кофе в постель, но зато по вечерам могу приносить бутылку шампанского.

– Ты хочешь напоить бедную девушку, чтобы потом воспользоваться моей слабостью?

– Как же я тебя люблю, когда ты слабая!

Дмитрий поднялся на палубу. В этот раз корабль показался ему значительно ближе. И это ему очень не понравилось. Из-за темноты невозможно было определить, что это за судно, но то, что это не военный корабль, он теперь понимал. На контейнеровоз или танкер он тоже не походил, габариты не те.

Какой же это тип судна?

Взяв бинокль, Дмитрий поднял его к глазам и увидел, что это был доу.

Внутри ворохнулась тревога. Низкобортные доу – идеальная пиратская база, способная нести на своей палубе несколько моторных лодок. Такие суда могут быть очень большими, на них можно уходить далеко в море, а уж там, в относительной удаленности от военных кораблей, поджидать подходящие корабли. Обычно это происходит так: с доу на воду спускаются моторные лодки, и гражданское судно берется на abordаж.

Но на таком доу могут быть и простые рыбаки, терпеливо ожидающие, когда морской царь, наконец, снизойдет к их стараниям и наделит их от своих щедрот косяком рыбы.

Попривыкнув к темноте, Дмитрий теперь отчетливо различал габариты судна и убедился, что оно было весьма вместительным. На корме, закрепленные цепями, отчетливо различались три лодки, подле которых стояли два человека: повернувшись в сторону яхты, они размахивали руками. Дурное предчувствие усиливалось: на рыбаков они явно не походили. К этим двум подошли еще трое, постояв, троица проворно влезла в одну из закрепленных лодок. Краны, державшие лодку, повернулись и замерли над водой, а потом лодка медленно стала опускаться на воду. Дмитрий даже услышал металлический скрежет цепей и легкий удар днища лодки о поверхность воды.

– Настя! – срывая голос, закричал Дмитрий.

– Что такое? – выскочила из каюты перепуганная жена.

– В двух километрах отсюда пираты! Они нас заметили!

Подскочив к борту, Дмитрий вдруг увидел длинную лодку с высокоподнятым носом и худощавого человека, крепко вцепившегося в поручни.

А это еще кто такой?! Когда же они подкрались?

– Настя!

Заметив подбежавшего Дмитрия, человек что-то крикнул на своем гортанном языке и уже поднял ногу, чтобы перелезть на палубу. Глаза у него были маленькие, злобные, видно, так и должно выглядеть несчастье. Боковым зрением Дмитрий отметил стоявшую в двух метрах от него Настю, прикрывавшую рот рукой. В какой-то момент ему показалось, что она не справится с ужасом, переполошив половину океана истошным визгом, однако ожидаемого не произошло: она так и смотрела за хозяйским поведением пирата.

Сомалиец, заметив девушку, улыбнулся шире, произнес что-то длинное, крикливо-корявое, и Дмитрий, уже не справляясь с собой, ударил его носком ботинка прямо в белый оскал. Не удержав равновесия, пират нелепо взмахнул руками и упал спиной за борт.

Успев заметить колыхавшуюся на волнах лодку и худого сомалийца, сидящего на корме, вяло потянувшегося за «калашниковым», Дмитрий бросился в каюту, где за дверью стоял автомат, и со стороны носовой части услышал истошный женский крик, полоснувший по нервам, как тупым железом по стеклу. Сочно, разрывая пластиковый массив, в надпалубное строение впились несколько пуль, шарахнув звуковой волной по барабанным перепонкам. Схватив автомат, Дмитрий бросился в глубину каюты и через иллюминатор увидел, как двое пиратов проворно перелезают через борт, – от захвата судна их отделяло всего-то несколько шагов. Нажав на скобу, он выпустил короткую очередь вверх голов нападавших. Беспомощно, будто бы в компьютерной игре, пираты отпустили поручни и разом провалились за борт лодки.

Кувыркнувшись в проем двери, Дмитрий мгновенно поднялся, цепко выискивая подходящую мишень. С правой стороны на палубу легла длинная крадущаяся тень, развернувшись, он мгновенно выпустил короткую очередь в источник опасности, сбивая прицел неприятеля. Выпущенная пиратом пуля прошла совсем рядом, зло коснувшись растрепанных волос.

Где-то здесь должна быть Настя. Почему же она не кричит? Развернувшись, он увидел у рубки Анастасию. Точнее, сначала он увидел долговязого худого сомалийца, который, намотав длинные девичьи волосы на кулак, приставил к ее виску пистолет. Пират что-то громко кричал, заглушая начинавшуюся непогоду, Дмитрий замер, сжимая автомат и понимая, что стоит ему сделать всего-то одно неверное движение, как негр выстрелит девушке в голову.

Теперь он видел только его рот, показавшийся ему в эти минуты невероятно огромным. Позади послышались чьи-то крадущиеся шаги, и прежде чем Тимин успел среагировать на звук, как подошедший сильнейшим ударом в затылок опрокинул его на палубу.

С минуту Дмитрий не мог подняться, лишь видел, как к нему приближаются худые ноги в деревянных сандалиях. От этих ног исходил острейший неприятный запах. Ступни были покрыты шелушащейся кожей, как у змеи. Чувство брезгливости перевесило вдруг все остальное, и он с трудом подавил в себе рвотный рефлекс, что выворачивало его кишечник.

Выпавший из его рук автомат лежал у ног сомалийца всего-то в каком-то полуметре, до него можно было дотянуться рукой. Слегка приподнявшись, Дмитрий потянулся к лежащему автомату, но сомалиец небрежно оттолкнул оружие далеко в сторону. За спиной раздавалось дружное гоготание. Похоже, что пиратам было весело. Сомалиец приподнял ногу, и Дмитрий увидел истертую деревянную подошву, – сырая, с налипшим на нее сором, она вызывала такое же отвращение, как сомалиец, стоявший рядом. Предупреждая возможный удар, Дмитрий схватил и дернул выставленную ногу, и негр, потеряв равновесие, упал на палубу. А сзади кто-то чувствительно ударил тупым предметом прямо в спину. Стиснув зубы, Дмитрий проглотил вырвавшийся из горла крик. Потом кто-то жестко подхватил его под руки и поставил на ноги.

Прямо перед собой он увидел трех сомалийцев: один крупный, с коротенькой бородкой, двое других – невероятно тощие, с острыми плечами, выпиравшими из-под белых просторных рубаш. В руках у каждого автоматы «калашников». Держали они их небрежно, но очень привычно, указательные пальцы покоились на спусковом крючке, как бы предупреждая, что не надо делать необдуманных поступков. Тот, что был повыше, громко заговорил длинными фразами, а стоявшие рядом сомалийцы тут же рассмеялись. Парням было неве- роятно весело, но Дмитрий не имел понятия, каким таким образом ему испортить им настроение.

В их внешности не было ничего угрожающего, ничего злодейского, обыкновенные рыбаки: на ногах грубые деревянные сандалии с кожаными узенькими ремешками; одеты в белые холщовые одежды и такие же просторного покроя штаны, завязанные у пояса узенькими тесемочками. Только у одного из них, того, что отличался высоким ростом, на поясе красовался кожаный широкий ремень, видно, доставшийся в наследство от какого-то бедолаги, отправленного на дно. Самому старшему из них было не более двадцати пяти лет, а другие и вовсе мальчишки. И вместе с тем это были самые страшные люди из всех тех, с кем ему когда-либо приходилось встречаться. Человеческая жизнь для них не представляла никакой ценности, они могут привязать камень на шею только потому, что им вдруг понравится какая-то безделушка, принадлежащая пленнику, а за автомат с боекомплектом, как за вещь весьма полезную, могут отправить на дно весь экипаж. Там, где они живут, оружие такая же необходимость, как вода.

Насте рядом не было.

Повернувшись, Дмитрий увидел жену, лежащую на палубе у самой рубки, голова запрокинута, а длинные пряди волос закрывали неподвижное лицо. К Насте подошел сомалиец и, откинув прядь волос, с любопытством разглядывал ее красивое лицо. Широко улыбнувшись, он что-то сказал своим приятелям, в ответ заговорили все трое, перебивая друг друга. Аккуратно, словно он опасался причинить девушке боль, он расстегнул верхнюю пуговицу ее блузки и охотно запустил узкую темную ладонь под ткань.

Дмитрий вскинулся, пытаясь вырваться из крепких тисков, но кто-то крепко и болезненно ухватил его за волосы. Парень, вызывая смех приятелей, действовал все более нагло, теперь он расстегнул вторую пуговицу, частично обнажив девичью грудь. От бессилия Тимин скрипнул зубами.

– Отойди от нее! – яростно закричал Дмитрий. – Пошел прочь, сволочь! Я тебя убью! – Он проклинал собственное бессилие.

Пираты крепко держали его за руки и готовы были вывернуть их из суставов.

Рядом с яхтой послышался настойчивый гул моторной лодки, а вскоре что-то мягко ткнулось в корму, заставив яхту качнуться. Из-за борта прозвучал громкий оклик. Крупный негр, позабыв о пленнике, бросился на голос, чтобы помочь прибывшим подняться на борт. Сомалиец, возившийся с Настей, как будто устыдился своего поступка, распрямылся и теперь напряженно смотрел на людей, прибывших на катере.

В лодке прибыли трое негров. Двое крупных мужчин, вооруженных короткоствольными автоматами, были очень высокого роста, одеты в темно-синие брюки и длинные, едва ли не до

колен, такого же цвета рубашки. Глянув на сомалийцев, они без колебания перелезли через борт. Третий негр был пониже, но крепкий в плечах и невероятно толстый. Отказавшись от протянутых рук, он ловко, несмотря на свою тучность, ухватился за поручни и проворно перелез на яхту.

На некоторое время на судне воцарилась тишина, было только слышно, как о борт, явно сядясь, бьется волна. Затем протяжно, разрывая сердце, раздался женский стон.

Взглянув на лежащую девушку, толстяк подошел к ней, наклонился, а потом аккуратно приподнял прядь волос, вглядываясь в ее лицо. Повернувшись к сомалийцам, он что-то произнес коротко. Дмитрия отпустили, а сомалийцы отступили к борту яхты.

В следующую секунду один из только что прибывших верзил вскинул короткоствольный автомат и нажал на гашетку. Лишь один из сомалийцев успел приподнять «калашников», но в ту же секунду рухнул навзничь, сраженный короткой очередью в грудь. Другой, сделав несколько шагов к борту, обмяк, а потом перекинулся через ограждение и упал в воду, сильно плеснув. Оба верзила палили из двух точек, отобрав у них шанс на спасение. Пираты застыли на палубе в неестественных позах. Толстый негр подошел к расстрелянным, всматриваясь в их застывшие лица, а потом невесело что-то буркнул, кивнув в их сторону. Верзила подхватили первого убитого и, разок размахнувшись, швырнули в воду. Потом взялись за второго...

На их лицах была невыразимая скука, по всему было понятно, что они совершают привычную, изрядно поднадоевшую им работу. Когда за борт был выброшен последний покойник, один из верзил взял ведро с веревкой, черпанул им морскую воду и вылил ее на палубу, смывая кровь. Другой подошел к Насте и аккуратно, словно имел дело с дорогой и хрупкой вещью, посадил ее на скамью.

Заложив руки за спину, крепыш неторопливым уверенным шагом подошел к Дмитрию. Вблизи особенно ясно было видно, что он необычайно силен. Он оказался едва ли не на полголовы ниже Дмитрия, однако подобное обстоятельство его совершенно не смущало.

За крепышом дружно пододвинулось двое верзил, сверля Дмитрия хищными глазами.

– Добро пожаловать в Сомали, – произнес крепыш на русском языке практически без акцента. И, сполна насладившись замешательством пленника, продолжил: – Это были плохие люди. Я успел вовремя. Опоздай я хотя бы на пять минут, наш разговор мог бы не состояться. Этих скотов ничего не интересует, кроме денег. – И, кивнув на примолкшую Настю, добавил: – Ну, вот разве что еще и женщины. Так что вам крупно повезло.

– Кто они такие? – выдавил Дмитрий, не узнавая собственного голоса.

– Этого сброда хватает на всем побережье Сомали. А вот эти из клана Дир. Слушаться не хотят. Так что приходится понемногу их наказывать.

– Кто вы?

– Можете называть меня своим благодете-лем. – Губы негра дрогнули в улыбке. – Я не возражаю. А можете называть Ибн Араби Юсуф Ахмед. Можете просто Юсуф Ахмед. Это как вам больше нравится. Считайте, что вы находитесь у меня в гостях. – Улыбка его сделалась еще более располагающей. – Не отправляться же вам в дальнейшее плавание, когда наши воды кишат пиратами.

– Откуда вы так хорошо знаете русский язык? – спросил Дмитрий, полностью овладев собой.

Настя тоже понемногу приходила в себя: во всяком случае, ее лицо не выглядело столь испуганным, каким оно было всего лишь пять минут назад. Что поделаешь, человек ко всему привыкает очень быстро. Даже к большим неприятностям.

– Некоторое время я учился в России. И смею надеяться, что там у меня осталось очень много друзей. – Посмотрев в сторону Насти, Юсуф Ахмед добавил: – А какие там очаровательные женщины! О таких можно только мечтать. Мне их до сих пор не хватает, скажу вам по

секрету... А теперь давайте отправимся к берегу. Уверяю, Дмитрий, вас там ожидает хороший прием.

Дмитрий невольно сглотнул: услышать свое имя почти посредине океана, да еще от негра, который, казалось бы, оказался на твоем борту совершенно случайно, было по крайней мере очень странно.

– Откуда вы меня знаете?

– Ха-ха! Не удивляйтесь, я много о вас знаю. Я даже знаю, как зовут вашу жену. Хотите, назову? – Дмитрий промолчал. – Анастасия. Я ничего не напутал?

Глаза девушки расширились от удивления.

– Но как вы узнали? – спросила Настя.

– Это только на первый взгляд может показаться, что вся наша жизнь состоит из случайностей. В действительности она представляет собой череду закономерностей. Мы не делаем ничего просто так, и прежде чем пригласить кого-либо к себе в гости, мы стараемся узнать о своих гостях как можно больше, чтобы не доставлять им особых неудобств.

– Что еще вы знаете? – спросил Дмитрий.

– Например, что вы сейчас находитесь в свадебном путешествии. – Дмитрий невольно сглотнул. – Надеюсь, вам понравилась Африка? Все-таки таких замечательных мест, как здесь, вы не встретите нигде в мире.

– Еще вам что известно?

– А еще то, что отец вашей жены весьма крупный и успешный предприниматель. Ради вашего спасения он не пожалеет и двадцати миллионов долларов. Так что для нас вы будете самыми дорогими гостями в буквальном смысле этого слова. Ха-ха-ха!

– Так вы нас взяли в заложники? – негромко предположила Настя.

– В качестве заложников вас захватили люди из клана Дир. – Брезгливо поморщившись, он добавил: – В нашем заливе нет больших разбойников, чем они: грабят кого хотят и никого не слушаются. А мы совсем другое дело.

– А из какого клана вы сами?

– А мы из благородного клана Дарод. А теперь давайте сфотографируемся. Пусть Павел Егорович увидит, что с вами ничего не случилось и вы оказались в надежных руках.

Повернувшись к негру, стоящему рядом, Юсуф Ахмед что-то быстро произнес. Негр, отложив в сторону автомат, вытащил из сумки фотоаппарат с большим объективом и умело навел его на стоявших рядышком Дмитрия и Настю. Действовал он быстро, с расторопностью профессионального фотографа. Даже его лицо, прежде такое суровое, значительно подобрело, его облику не хватало единственной фразы, чтобы разрядить сгустившуюся обстановку: «Сейчас вылетит птичка». Фотовспышка ослепила, напомнив Дмитрию снопы пламени, брызгавшие из автоматных стволов. Он запоздало подумал о том, что в этот момент лицо его было весьма далеко от стандарта мужественности.

По-хозяйски взяв фотоаппарат у верзилы, Юсуф Ахмед с хохотом принялся рассматривать получившийся кадр (с чувством юмора у этого крепыша было все в порядке), а потом, вернув аппарат, довольно произнес:

– Думаю, что этот снимок произведет должное впечатление. А еще говорят, что деньги не падают с неба. Ха-ха-ха!

Глава 6

АДВОКАТ ПИРАТОВ

29 АВГУСТА

Включив компьютер, Абу Рахим откинулся на спинку стула. Через несколько секунд экран вспыхнул заставкой: заходящее солнце на фоне выжженной пустыни. Так сомалийский берег выглядел многие тысячи лет. Правда, в последние годы пейзаж стал усложняться высотными домами с большими затемненными стеклами окон. Между домами можно было увидеть стада верблюдов – верный признак благосостояния отдельных местных жителей. А вместо ветхих лодчонок у берега колыхались современные комфортабельные катера с мощными моторами.

Мелочь по сравнению с тем, что должно мировое сообщество Сомали: ведь через ее воды проплывают корабли многих стран мира. А те суммы, что перепадают, иначе, как отрыжкой мирового сообщества не назовешь. Не права государства, называющие сомалийцев заурядными пиратами, это береговая охрана, которая защищает природные ресурсы своей страны от нежелательных гостей, а уж если кто вошел в ее территориальные воды, так будьте добры заплатите пошлину. Если все корабли мира платят Египту, проплывая через Суэцкий канал, так почему в таком случае не должны платить деньги Сомали, проплывая в Аденском заливе через ее воды? Этот мир устроен так, что нужно бороться даже за собственное благосостояние, и сомалийцы не сложат оружие до тех самых пор, пока мировое сообщество не признает их право на взимание этой платы.

Резко зазвонил телефон, вырвав Абу Рахима из состояния глубокой задумчивости.

– Я отправил тебе то, что ты просил, – узнал он голос Юсуфа Ахмеда. – Посмотри, подходит ли это тебе. Если нет, то я могу выслать еще пару снимков.

Абу Рахим нажал на клавишу: так и есть, для него электронное письмо. Открыв файл, он увидел фотографию, на которой была запечатлена молодая пара, стоявшая на палубе. Девушке не более двадцати двух-двадцати четырех лет: широко распахнутые глаза, рот полуоткрыт, лицо испуганное. Мужчина постарше – немногим более тридцати. Он выглядел скорее озабоченным, чем испуганным, и пристально смотрел прямо в объектив фотоаппарата. Надо полагать, Ибн Араби Юсуф Ахмед как-то сумел поднять им настроение, чтобы они не выглядели загравленными зверьками. Но фотография для дальнейших переговоров весьма подходящая, она способна растревожить самое черствое родительское сердце.

– Все так, – охотно отозвался Абу Рахим. – Снимок получился впечатляющий. На месте ее папаша я только за одну эту фотографию отдал бы десять миллионов долларов.

– Надеюсь, что так оно и будет.

Абу Рахим положил трубку. Оставалось только переправить снимок в Россию и, набравшись терпения, ждать ответного слова. А то, что пауза надолго не затянется, Абу Рахим был абсолютно уверен, все-таки единственная дочь и наследница многих миллиардов. Он распечатал фотографию, а потом вставил ее в факс.

Широко улыбувшись, Рахим подумал: «Все-таки самые большие пираты заседают в деловых офисах Лондона».

Глава 7

ШТАБ-КВАРТИРА ПИРАТОВ

29 АВГУСТА

Павел Ефимцев долго рассматривал полученный факс с фотоснимком, на котором была запечатлена Анастасия с мужем. То, что дочь была сфотографирована на яхте, которую он им подарил на свадьбу, не вызывает никаких сомнений (уж эту посудину он узнал бы из многих тысяч). На палубу падают две какие-то тени. А из этого следует, что рядом с ними стоял кто-то еще, не позволявший им оказать сопротивление. Одна из теней слегка затушевана, не исключено, что пират держал в руках автомат.

Затем Ефимцев дважды прочитал сопроводительное письмо, написанное от руки. Дочь попала в заложники к пиратам. Скатались, что называется, в свадебное путешествие!

Что следует делать, Ефимцев пока не знал.

Сложные решения не терпят скоропалительных умозаключений, они всегда рождаются в муках. Нужно просчитать все возможные векторные величины, чтобы выдать оптимальное решение. А нынешний случай был и вовсе из разряда вопиющих. После минутного колебания он нажал на кнопку селекторной связи и коротко произнес:

– Афанасий, зайди ко мне. Есть неотложное дело.

Еще через несколько минут дверь после короткого предупредительного стука распахнулась, и в кабинет уверенной походкой вошел высокий светловолосый мужчина лет тридцати, с огромным количеством веснушек на лице.

– Присаживайся, – показал Павел Егорович на свободный стул, – нужно потолковать.

Едва взглянув на Ефимцева, Афанасий понял, что случилось нечто серьезное (во всяком случае, ему не приходилось видеть Павла Егоровича таким взволнованным). С его лица исчезло прежнее добродушие, он был собран и сосредоточен.

– С английским у тебя как?

– Порядок.

– Прочитай, – протянул Ефимцев сопроводительное письмо. – И взгляни вот сюда. Это фотография моей дочери и ее мужа.

Афанасий Авдеев взял письмо и быстро прочитал, все более мрачней, затем взял снимок и долго его рассматривал, словно хотел уложить его в одну из ячеек памяти.

– Значит, Анастасия и Дмитрий у пиратов?

– Получается, что так, – пальцы генерального пробили по столу нервную дробь, потом, будто бы опомнившись, он сцепил ладони в замок. – Что ты можешь сказать? Как начальник службы безопасности?

– В этой истории непонятно все с самого начала. Пираты знают их имена. Такое впечатление, что они просто караулили их у берегов Сомали. Смею предположить, что этот захват тщательно планировался, и пираты знали маршрут и время захода яхты в Аденский залив. И конечно же, они знают ваше финансовое положение. Выбор был точечным и очень верным.

– Да уж, наивно было бы полагать, что молодые угодили к пиратам по воле слепого случая, – невесело согласился Павел Егорович. – Меня вот что удивляет: почему-то факс об их захвате пришел из Лондона, который, казалось бы, совершенно ничего не имеет общего с пиратами и находится от берегов Сомали за тысячи километров. И потом – кто этот адвокат Абу Рахим и кто уполномочивал его вести переговоры о выкупе Насти и Димы? Лично я ему ничего не поручал!

Подняв факс, Ефимцев прочитал его вновь. По суровому лицу генерального пробежала едва заметная судорога, Авдеев невольно отвел взгляд. Павлу Егоровичу потребовалась всего-

то минута, чтобы снова выглядеть прежним. Он был не из тех людей, что напоказ выставляют свое несчастье; наоборот, в самые трудные минуты он сосредоточивался до предела. То, что на душе у Ефимцева было беспокойно, можно было понять по интересу, который он проявлял к своей шариковой ручке, разглядывая ее предельно внимательно. Кажется, на ней была выведена какая-то арабская вязь, и он как будто бы силился прочитать написанное.

Наконец, аккуратно отложив ручку в сторону, он продолжил:

– Ведь для них этот захват судна не первый. У них там все отлажено. Одни хватают, другие ведут переговоры.

Ефимцева было жаль: потому что мужик хороший (если за что-то наказал, так всегда имелся очень веский повод); потому что не имел права выплеснуть наружу свое горе (неизвестно, как бы сам Авдеев держался на его месте, а он за все время разговора даже интонацию не поменял; другой на его месте метался бы по кабинету, как волк в запертой клетке, а он только авторучкой балуется).

– Это совершенно не случайно. Кто-то очень хочет выбить вас из седла. Вот поэтому и подстроил эту... гадость.

– Можно сказать, что у него это вполне получилось, – тихим голосом отозвался Павел Егорович. – Я ни о чем не могу думать, кроме как об этом. А потом, почему именно Лондон? Там штаб-квартира пиратов?

– Я пока не готов к ответу, разрешите мне уйти, попробую прояснить ситуацию. Прежде мне не доводилось сталкиваться с такими вопросами.

– Хорошо, иди. – Авдеев поднялся. – Когда придешь?

– Мне хватит часа.

– Жду тебя ровно через час.

* * *

Афанасию Авдееву потребовалось сделать всего лишь несколько звонков к своим бывшим сослуживцам, чтобы прояснить ситуацию. Ефимцев даже не подозревал о том, насколько он был прав в своих рассуждениях, когда предположил, что штаб-квартира пиратов находится именно в Лондоне. Как выяснилось, сюда сходились очень многие нити: Англия – мировая морская держава, а Лондон – крупнейший центр судостроения и судового маклерства.

Было что рассказать Ефимцеву. Авдеев пришел ровно через час, расположился на том же стуле и заговорил, словно их разговор не прекращался.

– Я тут навел справки у коллег, они мне разъяснили ситуацию. Действительно, пиратов, орудующих в Аденском заливе и в Индийском океане, направляет целый штат разного рода наводчиков и информаторов, что сидят в дорогих офисах...

– Например, в Лондоне?

– Именно так.

– Как же они с ними связываются? Ведь Сомали – это же не Москва. Связь должна быть затруднена. Там ведь Африка, места труднодоступные, не шибко цивилизованные.

– В нынешнее время это не так уж и сложно. Для этих целей имеются спутниковые телефоны, по ним и сообщают, какое именно судно нужно захватить. Мне это не кажется чем-то удивительным. Лондон – мировой центр судового маклерства и судостроения, так что люди, работающие в этих центрах, собирают подробнейшую информацию о маршрутах и грузах кораблей. Они знают численность экипажа, его национальный состав, под каким флагом ходит судно и кто его владелец.

– Но что-то я не слышал, чтобы захватывали английские корабли, – невесело буркнул Ефимцев.

– Пираты очень избирательны. Для них очень важно, под каким флагом идет судно. Так что этот вопрос они прорабатывают особенно тщательно. На английские суда они нападают крайне редко, в основном на яхты. Думаю, они не хотят навлечь на себя гнев Британии. Если нападение на английские суда обретет массовый характер, так здесь быстро подчистят всех этих сомалийцев, осевших в деловых центрах Лондона. Им придется перебраться в другое место, это связано с расходами, а считать прибыль адвокаты умеют.

Подняв ручку, Ефимцев вновь принялся рассматривать ее. Генеральный директор любил окружать себя приятными вещичками вроде бриллиантовых запонок и золотых ручек.

– И поэтому они решили захватить яхту с моей дочерью.

– Получается, что так, Павел Егорович. Но на яхту вашей дочери их определенно кто-то навел.

– Кто же?

– Вы ведь не делали из ее свадебного путешествия какой-то тайны.

– Тайны не делал, это верно, но и на площади не кричал о том, что дочь отправляется со своим мужем в дальнее плавание. Человек, который навел, был хорошо информирован, она ведь теперь живет под другой фамилией, а ее парень очень осторожен. Он вряд ли стал бы болтать о своем путешествии. Что ты об этом думаешь?

– Думаю, что человек, который навел пиратов на вашу дочь, находится в нашем офисе.

Ефимцев на секунду задумался, после чего уверенно произнес:

– Составь список, кто это может быть.

– Хорошо, – сделал Авдеев пометку в блокноте. – А как реагировать на письмо, пришедшее по факсу?

– А у тебя у самого есть соображения по этому поводу?

– Разумеется. Во-первых, нужно поточнее выяснить, откуда пришел факс. Кто за ним стоит, что это за контора, какие люди там работают. Нас должно интересовать все! Сколько их, национальность, возраст, чем они занимаются, о чем говорят.

– У тебя есть в Лондоне свои люди?

– Людей можно найти, но это будет связано с некоторыми расходами.

– Это тебя не должно волновать. Заплатишь столько, сколько потребуется.

– Понял, – Авдеев сделал вторую запись в блокноте.

– Сколько тебе на это понадобится?

– Думаю, неделя.

– У нас нет столько времени, даю тебе три дня. Отправь ответный факс от моего имени. Напиши, что мы думаем над их предложением. И добавь, что с дочерью и зятем ничего не должно случиться, иначе сделка не состоится. В общем, подбери подходящие слова, чтобы они поняли, что к чему.

– Не беспокойтесь, я все учту. Не удивлюсь, если «наводчик» связывается с этими людьми по мобильному телефону.

– Резонно. Проработай этот вариант.

– Сделаю. У меня есть на телефонной станции хорошие знакомые. Думаю, что сделать распечатку проблемы не будет.

– Все, выполняй. Жду твоего доклада через два часа.

Авдеев ушел.

Оставшись один, Ефимцев снова взял шариковую ручку. Немного покрутив ее между пальцами, с раздражением отбросил в сторону. Не следовало терять самообладания, это главное. Хотя в подобной ситуации у любого крыша может поехать. Впереди полный мрак, и совершенно непонятно, как следует поступать в подобной ситуации.

Впрочем, одно решение существовало. И весьма кардинальное. Ефимцев колебался ровно минуту, а потом, преодолев внутреннюю борьбу, решительно поднял трубку телефона.

Он поймал себя на том, что, затаив дыхание, слушает длинные гудки и молит о том, чтобы абонент оказался на месте, а когда на противоположном конце провода раздался легкий щелчок, после которого равнодушный голос произнес: «Слушаю», Павел Егорович, не сдержавшись, перевел дух.

– Это Ефимцев беспокоит.

Некоторое время в трубке раздавалось лишь сдержанное сопение, абонент размышлял, как ему следует реагировать на неожиданную новость, после чего бодрее, чем следовало бы ожидать, ответил:

– Никак не думал, что ты позвонишь после всего того, что произошло. Что-то случилось, Павел?

– Случилось. Ты по-прежнему в морской разведке?

– Наша профессия не бывает временной, сам понимаешь, если выбрал, то нужно топтать до конца. Так что у тебя там, выкладывай!

– Ты не забыл, что ты у меня в долгу?

– Разве такое забудешь?

Ефимцев едва сдержал вздох облегчения, все шло гораздо лучше, чем он мог предположить:

– У меня к тебе есть небольшая просьба. Я могу на тебя рассчитывать, адмирал?

– Все, что в моих силах.

Глава 8

ПЕРСОНАЛЬНОЕ ДОСЬЕ 29 АВГУСТА

Людей, которые могли быть посвящены в семейные дела Ефимцева, в действительности оказалось не так уж и много: всего-то три десятка человек. Еще меньше было тех, кто имел деловые контакты в Англии, не более десятка. Трое из них обладали реальными финансовыми возможностями, и особо выделить кого-нибудь из них не представлялось возможным: все трое весьма крепко стояли на ногах и имели как личные, так и деловые интересы в Великобритании. У двоих бизнес, у третьего – друзья, которыми он обзавелся во время учебы в Кембридже. Поговаривали, что во время учебы он прижил ребенка от какой-то мулатки и теперь проживал на два дома. Подобные вещи требовали дополнительной проверки, но тот факт, что он частенько ездил в Англию, говорил в пользу этой версии.

Распечатки телефонных разговоров лежали на краю стола. Сфера интересов этой троицы действительно не ограничивалась пределами Кольцевой дороги, она расширялась по всей Европе. Что их объединяло, так это то, что они с завидной периодичностью звонили в Лондон, разговаривали подолгу, явно в туманном Альбионе у них были важные дела.

Взяв первый листок, Авдеев прочитал: Мартынов Герасим Витальевич, начальник отдела по маркетингу. Поднявшись из-за стола, он подошел к шкафу, где хранились досье каждого сотрудника компании. Нужная папка значилась под номером 38/2. На обложке никаких фамилий или имен, ровным счетом ничего такого, что могло бы указать на личность сотрудника. Так надо. Сам же он прекрасно помнил, под каким номером значится каждый человек, он даже разработал соответствующую систему, чтобы отыскать досье на нужного сотрудника без особого труда. Если кто-то надумает покопаться в шкафу без его разрешения, так ему ни за что не удастся обнаружить нужную информацию.

Авдеев открыл папку.

С фотографии на него смотрел молодой человек, не более тридцати пяти лет. Самой обыкновенной наружности: худощав, среднего роста, ровным счетом ничего такого, за что можно было бы зацепиться взглядом. Такого человека можно было бы назвать «один из толпы», если бы не знать, что его личное состояние измеряется цифрой с семью нулями в долларовом эквиваленте. По прогнозам финансового отдела его прибыль в ближайшее время должна будет увеличиться вдвое, так что дела у него складывались благоприятно. От судьбы Мартынову выпал такой завидный и внушительный грант, что его невозможно было вычерпать до доньшка в ближайшее десятилетие даже при огромном желании.

Герасим Витальевич являл собой классический образ миллионера: старался держать себя в хорошей физической форме, не курил, выпивал крайне редко и всегда понемногу, и притом только те напитки, которые, по его мнению, способствовали укреплению здоровья и улучшению настроения. Еще он увлекался горными лыжами, излазив в поиске подходящих склонов добрую часть Альп.

В его личном деле отсутствовали какие-либо компрометирующие данные, если не считать того, что в студенчестве он два раза оказался в милиции за драку, что за давностью лет выглядело настолько малой величиной, что ею можно было просто пренебречь. Впрочем, всплывал и один весьма любопытный факт: два года назад у него был роман с молодой учительницей начальных классов, которая полезла в петлю после того, как он с ней расстался. Сделала это она прямо в школе, так что случай имел весьма серьезный резонанс. Однако на настроении Мартынова, а уж тем более на его карьере случившееся никоим образом не отразилось: едва его полуживую возлюбленную вытащили из петли, как он укатил с новой пассией в Эмираты.

Вообще-то, Герасиму Витальевичу живется при Ефимцеве весьма неплохо и у него должна иметься весьма основательная мотивация, чтобы серьезно досадить партнеру. У таких людей, как Ефимцев и Мартынов, ничего не бывает понарошку, они всегда бьются всерьез. Но в том-то и дело, что основания для обиды у Герасима Витальевича имелись. Когда-то Мартынов имел собственную фирму, которая приносила ему вполне реальный доход, обеспечивающий неплохой уровень жизни и ему, и еще сотне сотрудников, работавших на него. Однако в какой-то момент интересы его бизнеса пересеклись с интересами бизнеса Ефимцева. Ефимцев как раз искал новые возможности для реализации своих планов, так что Мартынов просто стоял у него на пути. Да и по своим мощностям бизнес Павла Егоровича раза в три превосходил бизнес Герасима Витальевича, так что при желании он мог пройти по головам конкурентов асфальтовым катком, оставив после себя гладкую площадку. Однако дело повернулось иначе: Ефимцев предложил Мартынову войти своей компанией составной частью в одно из своих подразделений. После недельного размышления Герасим Витальевич дал согласие на это слияние, забыв о своих честолюбивых планах.

По большому счету Мартынов выиграл: ему теперь не нужно было изображать из себя Дон Кихота большого бизнеса и воевать с ветряными мельницами; не нужно было переживать, что в следующем квартале фирмой обязательно заинтересуются фискальные органы, отыскивая в ее операциях нечто противозаконное; не нужно думать о том, как обеспечить сотню сотрудников с их семьями. Головная боль ушла, и осталась масса времени на то, чтобы, наконец, догнать убегающую жизнь. Куда проще и безопаснее войти винтиком в огромный отлаженный механизм, чтобы без особого напряжения получить неплохие бонусы.

Но честолюбивый человек обычно склонен к самоанализу и никчемному самокопанию, моделированию ситуации «как могло бы быть», и в какой-то момент ему может показаться, что сложилась ситуация иначе, он мог бы иметь куда больше, чем теперь.

Ладно, пройдем по звонкам. Их несколько. Причем все они сделаны в разные концы города, что может свидетельствовать о деловой активности Мартынова. Три звонка сделаны в центр Сити Лондона, в сорокаэтажный небоскреб, который горожане остроумно прозвали «сигарой». Еще два звонка в портовый район Канэри-Уорф на Темзе, превращенный в последние годы в деловой центр. Но именно в таких помпезных местах свиты террористические и адвокатские гнезда.

Авдеев перевернул страницу: еще два звонка. Неужели порт? Постучав по клавишам компьютера, он ввел телефонный номер и базу данных. Так оно и есть – звонок в порт! Вот только что ему там понадобилось. Весьма подозрительно.

Ладно, разберемся... Кто у нас там дальше по списку?

Следующим был Бортнев Семен Валентинович, являвшийся одним из учредителей компании. Щекотливость ситуации заключалась в том, что при таком авторитарном руководителе, как Ефимцев, он сумел сохранить свое личное пространство, в котором развивал собственный бизнес. Так бывает. Откровенно рассуждая, в его небольшом личном бизнесе не было ничего криминального: при огромном производстве, расширявшемся год от года, обязательно появляются какие-то небольшие фирмы и посреднические структуры, которые работают на единого хозяина, получая свой оговоренный процент. Главное, чтобы они не переродились в злокачественные опухоли и не вытянули из компании здоровые соки.

Имеет какой-то свой бизнес, ну и ладно! Главное, чтобы существовал не за счет головного предприятия. Правда, настораживают его частые поездки в Лондон, и это при отсутствии всякой необходимости. За последнюю неделю Бортнев сделал двадцать звонков в Лондон, половина из которых приходилась на деловой центр, а другая – в пригород. Возникает вопрос: какие интересы могут быть у состоятельного человека в небогатом неблагополучном районе, славящемся своей преступностью.

Подняв трубку, Авдеев спросил:

– Глеб?

– Так точно, Афанасий Петрович.

Его помощник Глеб Кирсанов был из кадровых военных, что явно ощущалось даже в его манере говорить: слова он произносил так четко и внятно, словно рапортовал вышестоящему начальству. Даже по коридору он ходил не так, как все: приподняв подбородок и распрямив спину, как по строевому плацу. Исполнительный, необычайно аккуратный, он был настоящей находкой для службы безопасности. Так что российскому командованию нужно было бы написать благодарственное письмо за то, что они выперли такого кадра из армии.

Рассказывать о причинах своего увольнения Кирсанов не любил, лишь как-то обмолвился, что будучи в большом подпитии разметал по залу ресторана с пяток милиционеров, которые, очухавшись, вызвали на подкрепление взвод спецназовцев. Изловив отчаянного десантника, они связали его по рукам и ногам и бросили в зарешеченный «уазик», крепко обработав его дубинками.

Парень был прям, как логарифмическая линейка. Возможно, что любой на его месте придумал бы историю покрасочней и подушевнее. Например, о том, что ввязаться в драку его принудили обстоятельства: отстаивал честь девушки, к которой приставала пьяная компания, или защищал ветхую старушку от гнусного насильника. Однако Глеб с беззастенчивой простотой Алеши Поповича рассказывал о том, что просто не поделил с одним из братков шлюху, сидевшую за соседним столиком, а когда в спор вмешалась милиция, то досталось и ментам.

Иначе, как гусарской дуростью, подобную выходку не назовешь.

– Поднимись ко мне.

– Слушаюсь!

Авдеев невольно хмыкнул, такое впечатление, что Глеб по-прежнему продолжает пребывать в войсках. Поменялся лишь окружающий его интерьер, а правила остались прежними. Пошел уже третий год, как Глеб обосновался на должности заместителя начальника по безопасности, а армейщину до сих из себя не изжил.

Иногда это раздражало.

Через пять минут, сдержанно постучавшись, Глеб Кирсанов перешагнул порог его кабинета. Высоченного роста, едва ли не под самый потолок, он замер перед столом. От него так и шибануло каким-то девятнадцатым веком и пенящимся шампанским; это впечатление усиливали коротко стриженные щеголеватые усы. Афанасий невольно задержал взгляд на глазах заместителя, вытаращенных от чрезмерного усердия.

– Ты вот что... – Кирсанов слегка подался вперед, готовый внимать любому слову начальства. Желание делать ему внушение отпало. Что ж, в той системе, где они работают, нужны люди и такого плана. Надо же на кого-то равняться остальным. – Что ты знаешь по Бортневу? Почему он так часто звонит в Лондон?

– У него там женщина, мулатка. Есть ребенок, он его обеспечивает. Разрывается между семьей и этой женщиной.

– Что, неужели все так серьезно?

– Да. У него сейчас все мысли об этой мулатке. Кажется, он хочет к ней перебраться.

– Насколько я знаю его жену, у него это вряд ли получится.

– Мне тоже так кажется.

– Глеб, вот что, проверь все эти звонки и сообщи мне, куда именно они были сделаны, – подвинул Авдеев листки бумаги. – Разберешься?

– Так точно!

Авдеев слегка поморщился от подобной военщины: парень исполнительный, надежный, да и в деле разбирается, однако на все душевные расспросы отвечает, как по уставу, – дружбы при таких отношениях не заладится.

– Глеб, ты когда... уволился? – подобрал Афанасий подходящее слово.

Изящные усики чуток дрогнули, похоже, что Глеб по достоинству оценил топорную дипломатию непосредственного начальства.

– Четвертый год уже пошел.

– Ну, вот видишь, уже время. Ты бы, может, как-нибудь попроще изъяснялся, что ли, а то говоришь, как будто бы шашкой на плацу машешь.

– Я это учту, – погасив улыбку, сказал Кирсанов. – Только в ВДВ, откуда я уволился, шашек нет. Шашки – в кавалерии.

– Считай, что это приказ. Ладно, ступай.

– Хорошо, Афанасий Петрович.

– Вот так уже лучше.

Последним в списке значился Гальченко Роман Митрофанович. Пожалуй, самая мутная фигура во всем концерне. Его досье значилось под номером 14/3, во многом определяющим его характер. В данных цифрах была зашифрована своего рода характеристика господина Гальченко. Единица означала, что человек он весьма скрытный, трудно поддающийся внушению, недоверчивый. Цифра «4» – умен, способен на неординарные поступки. Цифра «3» указывает на то, что он нетерпим к чужому мнению и склонен к безоговорочному лидерству. Оставалось только удивляться, каким образом Гальченко согласился быть в компании вторым номером. Не исключено, что Роман Митрофанович организовал комбинацию с захватом яхты только для того, чтобы перепрыгнуть в кресло руководителя. А ведь Павел Егорович очень ценил его. И совсем недавно говорил, что более близкого человека в компании у него нет.

Открыв досье, Авдеев с интересом всматривался в его фотографию. Афанасий не терпел казенных выражений даже в документах, а потому дал указание своим фотографам снимать сотрудников в непринужденной обстановке, например во время беседы: по его мнению, именно во время контакта особенно ярко раскрывается характер человека. На снимке Гальченко выглядел на редкость раскрепощенным: рот необычайно выразительный, с подвижными губами. В серо-зеленых глазах затаилось лукавство. Полная противоположность тому человеку, с которым Афанасию едва ли не ежедневно приходилось сталкиваться в коридорах и на разного рода совещаниях. Тот был малоулыбчивым типом, от которого так и веяло холодной учтивостью. Пожалуй, что этот на снимке выглядел посимпатичнее. Его можно было представить где-нибудь на скамейке, попивающим из горлышка пиво, зато ко второму, чопорному и немного высокомерному, больше подходил бы фрак и красная бабочка на шее.

Его холодность так и была в глаза во время их контактов. Пожалуй, этот Роман Митрофанович был одним из самых закрытых людей компании, о его личной жизни практически ничего не было известно, если не считать, конечно, того, что от первого брака у него остался девятилетний сын, а от второго – трехлетняя дочь. Его нынешнюю жену никто не видел, и у окружающих сложилось стойкое убеждение, что он прячет ее где-нибудь в подвале своего огромного дома.

Роман Гальченко – человек, умеющий хранить на замке собственные секреты. Однажды Авдеев увидел его в обществе Клавочки, секретарши самого Ефимцева, вдали от людских глаз, на окраине Москвы в небольшом полупустом ресторане. Их стол украшали бутылка итальянского вина, два высоких фужера и какие-то салаты, разложенные в большие тарелки, что подразумевало некоторое торжество. Широкая ладонь Гальченко по-хозяйски покоилась на тонких пальчиках Клавочки.

Заприметив вошедшего в бар Авдеева, Гальченко не стал делать вид, что не замечает сослуживца и его заинтересованного взгляда. Наоборот, не убирая руки с ладони девушки, предупредительно и почти по-приятельски кивнул Афанасию. Губы застыли почти в виноватой улыбке, которая должна была означать: имею же я право на некоторые слабости, тем более что рядом такая красивая девушка.

Клава, напротив, была невероятно смущена, причем настолько, что даже не попыталась вытянуть свою ладонь из его руки.

Так уж заведено в природе, что все самое лучшее забирают сильнейшие из мужчин, и нет ничего удивительного в том, что Клава досталась Роману Гальченко. А ведь половина мужчин компании готова была копытами рыть землю, чтобы эта девушка обратила на них внимание. Да и сам Авдеев лелеял надежду, что когда-нибудь найдет предлог, чтобы затащить ее в свою холостяцкую квартиру-ловушку.

Стало быть, не судьба.

Вот оно, значит, как получается. Одни вокруг нее землю носом роют, а этот ведет ее в свою квартиру, когда жена уезжает на дачу.

Авдеев испытывал к Роману Гальченко откровенную неприязнь, и причина была не в классовых расхождениях, что не редкость у плебея и носителя голубой крови: дескать, таким, как он, достается все самое лучшее, включая красивых женщин. Причина здесь была иного характера. Она возникла едва ли не на генетическом уровне и была порождена таинственными биохимическими процессами. Не нравится, и все тут! Невозможно объяснить этого факта никакими другими причинами.

Антипатия усиливалась еще и потому, что Гальченко в силу своего скрытного характера имел немало темных тайн, куда Авдеев, как начальник службы безопасности, заглядывал с большим трудом. В свою очередь это давало Авдееву моральное право иметь собственные секреты, о которых не подозревали даже первые лица компании. Например, составление персонального досье на каждого руководителя, куда регулярно вносились данные от разных информаторов.

И вот теперь предстояло снять завесу, возможно, с самой главной тайны Гальченко: по какой-то такой надобности тот ежедневно звонит в Лондон?

Закрыв досье, Афанасий Авдеев аккуратно уложил папку на место.

Глава 9

Я ДОВОЛЕН ТВОЕЙ РАБОТОЙ

30 АВГУСТА

Вопреки обыкновению планерка прошла в ускоренном режиме. На доклад каждому начальнику отдела отводилось пять минут. Разместившись за длинным столом, каждый из них четко, поглядывая в разложенные на столе бумаги, доложил о результатах проделанной работы. Так что уже через полчаса Герасим Витальевич Мартынов прекрасно представлял сложившуюся ситуацию.

Экспорт увеличился ровно на пятнадцать процентов, а стало быть, благосостояние компании увеличилось на двадцать миллионов долларов. Совсем неплохая цифра, если учитывать, что у конкурентов результат в минусе. На границе с Литвой товара собралось на тридцать миллионов долларов, и с этим следовало что-то незамедлительно решать. Не исключено, что придется заплатить дополнительно, чтобы таможенники не задерживали груз, иначе убытки будут расти в геометрической прогрессии.

Выслушав доклады, Мартынов подошел к двери и закрыл ее на ключ. Сейчас для подавляющего количества сотрудников он отправился в министерство, а потому вряд ли кто осмелится потревожить его одиночество незапланированным визитом.

Через час он должен подойти с докладом к Ефимцеву, а потому нужно выработать схему продвижения товара, да еще чтобы не ущемлять собственных интересов. Без финансовых вливаний в такой ситуации не обойтись, это точно! Одних дружеских связей маловато, каждый рассчитывает на свою долю, включая даже самого маленького чиновника. Собственно, для этого они и создают все новые и новые трудности, чтобы потом заинтересованная сторона разрешала все это большими деньгами.

Наиболее трудно контролируемое место – это таможня. По существу она представляла собой этакий Бермудский треугольник, который может слопать не один корабль с деньгами. Собственно, задержка груза не испугала: подобная акция со стороны таможни хоть и неприятна, но из разряда стандартных, так они поступали и прежде, чтобы вытрясти из продавца деньги. Весь вопрос состоит в том, сколько потребуется отдать. А если так, то имеется некоторая свобода для маневра. Ефимцеву можно сообщить о том, что на взятки таможенному начальству ушло, допустим, сто долларов, но в действительности отдать можно только половину озвученной суммы, остальное можно будет забрать себе. Цифры условны! Проверить подобные вещи практически невозможно: не станет же Ефимцев учинять расспросы таможенным служащим!

Возможно, что в конечном итоге сумма будет не столь уж и большой, но в любом случае, за один рабочий день не так уж и плохо!

Настроение заметно улучшилось.

Правда, в последнее время как-то уж очень странно посматривает на него Ефимцев, а два дня назад поинтересовался, в какую цену ушло оборудование в Китай. Прежде подобных вопросов он не задавал. При разговоре ему пришлось проявить немалое волевое усилие, чтобы ответить бесстрастным тоном. Хитрость заключалась в том, что по документам оборудование проходило всего-то по десять центов за штуку, в то время как по договоренности с оптовыми покупателями он продавал его за двадцать пять. Об этой его маленькой хитрости знал лишь ограниченный круг людей, с которыми он щедро расплатился, но вряд ли они захотят откровенничать с Ефимцевым.

Все эти деньги он аккумулировал на счетах в английских банках, ввиду немалой суммы, они приносили ему значительный процент. Так что можно с уверенностью сказать, что у него

останется кое-что на поддержание штанов даже в том случае, если концерн, угодив в какое-нибудь экономическое торнадо, развалится по камушкам.

За английскими счетами следила молодая женщина по имени Ангелина. Их деловые отношения сложились три года назад, она как раз заканчивала экономический факультет Кембриджа. На тот момент девушка совершенно не представляла, как реализовать свои многочисленные таланты, и металась из одной корпорации в другую, выясняя перспективы роста и финансовые вознаграждения. Именно тогда (как впоследствии станет понятно, больше из любопытства) она перешагнула порог одного из филиалов совместного британо-российского предприятия, где и встретила Герасима Мартынова.

Ему понравился ее живой ум и профессиональное мышление, а позже, по прошествии нескольких месяцев, он обратил внимание еще и на то, что девушка в меру раскрепощена и чрезвычайно мила в неформальном общении. А еще позже Герасим Витальевич понял, что она еще и необычайно чувственна. Но все это было позже. А тогда она просто искала работу, и создавалось впечатление, что Ангелина готова была пристроиться даже посудомойкой, чтобы только не возвращаться в свою нижегородскую губернию. Так что для нее он был сушей находкой, хотя бы потому, что сумел по достоинству оценить ее профессиональные знания и предложил ей две тысячи фунтов стерлингов за работу. Для юной девушки, каковой она была в ту пору, весьма неплохой заработок.

Ангелина оказалась весьма изобретательна: через год работы она придумала нехитрую финансовую схему, по которой можно было безболезненно «отжимать» у Ефимцева часть выручки, и самое приятное заключалось в том, что Павел Егорович совершенно об этом не подозревал.

С тех пор на банковский счет Мартынова потек неиссякаемый ручеек, который со временем мог превратиться в весьма приличную реку. Именно тогда понадобились услуги Ангелины как финансового менеджера. Требовалось не только следить за все пополняющимися счетами, но также нужно было аналитическое мышление и чутье, чтобы вложить сбережения в какое-нибудь прибыльное дело. У Ангелины все это было, а главное, ее вела неистребимая тяга преумножать деньги. Порой казалось, что тяга эта едва ли не сродни болезни.

Что ж, такая «клиника» весьма полезна для дела.

Именно в тот период они сошлись особенно тесно. И Мартынов вдруг отчетливо осознал, что с такой женщиной, как Ангелина, приятно делить не только постель, но и деньги. Именно с тех пор она стала значиться в его дальнейших планах под первым номером. Ему удалось скопить денег для того, чтобы открыть в Лондоне собственное дело. В ближайшее время у Ефимцева намечался значительный финансовый транш, и Мартынов надеялся «отщипнуть» от него существенный кусок, после чего отбыть на Британские острова навсегда и чтобы наслаждаться всеми радостями жизни.

Герасим Витальевич поднял трубку и принялся быстро набирать привычный номер.

В какой-то момент его охватило тревожное чувство; оно было настолько сильным, что ему вдруг захотелось положить трубку. Жизненный опыт подсказывал, что подобные предчувствия не рождаются из ничего, это сигналы, поступающие из внешнего пространства, и пренебрегать ими не следовало.

Однако палец привычно нажимал на цифры, вызывая абонента. Он отмахнулся от этой неясной тревоги.

Видно, все-таки сказывается усталость: в последнее время приходится очень много работать. Прозвучали длинные гудки, и Мартынов окончательно позабыл о своем тревожном предчувствии.

– Слушаю, – раздался высокий девичий голос.

– Ангелина, ты сейчас можешь говорить? – спросил Мартынов, невольно понизив голос.

– Ну, наконец-то, а то я уже начала переживать! Ты почему так долго не звонил?

– У меня были дела. Что ты сделала с последними перечислениями?

– Я их вложила в ценные бумаги. На рынке намечается оживление; думаю, что эти бумаги в ближайшую неделю будут расти, и мы сумеем выручить на этом деле процентов тридцать.

Мартынов мысленно прибавил к своему состоянию еще один нолик. Получается весьма впечатляющая цифра.

– Хорошо, детка, я очень доволен твоей работой.

– Все это я делаю для нас.

– Нисколько не сомневаюсь, Ангелина. У меня какое-то дурное предчувствие... Знаешь, обычно оно меня не обманывает.

– В чем дело, Герасим? – голос девушки прозвучал встревоженно.

– Потом объясню... У тебя есть надежное место, где можно было бы спрятать крупную сумму налом? Я говорю не о банке.

– Можно. У меня дома есть сейф.

– Сними деньги, и пусть они побудут пока у тебя.

– Это опасно.

– Будет еще хуже, если они останутся на счетах. Они могут быть заморожены, тогда я их не получу совсем.

В какой-то момент ему захотелось поделиться с девушкой своими дурными предчувствиями подробнее: ведь было время, когда он, чтобы не навести на нее службу безопасности, звонил ей с мобильного телефона, меняя номера после каждого третьего звонка. А сейчас, когда чувство опасности притупилось, он стал связываться с ней даже из своего рабочего кабинета. Подобная вольность могла выйти ему боком.

– Хорошо, я сделаю. Ты когда думаешь приехать?

– Скоро, – легко пообещал Мартынов. – Вот только проверну одно дельце. Последнее... И сразу к тебе. Если все пройдет успешно, тогда мы сможем считать себя по-настоящему богатыми.

– Я тебя жду. Береги себя!

– Постараюсь быть осторожным. Целую.

И Мартынов положил трубку на рычаг.

Что же это такое? Внутри опять какой-то раздрай. Через минуту дискомфорт усилился. Откуда же взялось такое скверное чувство? Надо что-то с этим делать. Возможно, пораньше лечь спать, вдруг поможет.

Усталость, будь она неладна!

Хотя есть одно средство, чтобы прогнать накотившую тоску, – в этом городе имеется парочка квартир, где ему будут рады по-настоящему.

Взяв телефонную трубку, он набрал номер:

– Сара?

– Слушаю тебя, родной.

– Я хотел заскочить к тебе часиков в шесть. Ты будешь дома?

– Хотела пойти к маме... Но ради тебя я отложу это.

Удовлетворенно хмыкнув, Герасим Витальевич положил трубку.

* * *

« – Я тебя жду. Береги себя!

– Постараюсь быть осторожным. Целую».

Раздался негромкий щелчок, телефонную трубку положили на рычаг. Запись закончилась. Павла Ефимцева трудно было упрекнуть в излишней эмоциональности. Даже в самых серьезных ситуациях он оставался совершенно невозмутимым. Самое большее, что он мог себе

позволить, так это откинуться на спинку кресла и скривить губы. И эту запись он выслушал совершенно невозмутимо, как будто это не его миллионы утекали в чей-то чужой карман. Но Ефимцев был не из тех людей, что забывают нанесенные оскорбления, и уж тем более он никогда не простит кражи, да еще принявшей систематический характер. Он всегда был сторонником радикальных решений и нередко находил возможность вернуть утраченное.

– Когда ты поставил «жучки»? – спросил Ефимцев.

Вопрос был задан по-рабочему, вполне обыденно, словно речь шла не о подслушивающих устройствах, а о безобидных насекомых. Вот повстречались два биолога в приватной обстановке и решили поговорить о любимой фауне.

Авдеев сумел подавить улыбку: не самое подходящее время для веселья.

– Информацию снял сегодня. Вчера ничего такого не было. Так, разная муть...

– А что именно?

– Кроме этой женщины, у него имеется еще парочка любовниц. С одной он встречу отменил, а другой назначил.

– Понятно.

– Но вот сейчас как раз всплыло то, что нужно.

– Почему он не говорил по другому телефону? Ведь у него есть такая возможность.

Вопрос не праздный, требовал конкретики. Афанасий и сам не раз задавал себе подобный вопрос, но теперь понимал, что ответ лежит на поверхности. Только подними!

– Думаю, что поначалу он действительно звонил с других телефонов, но потом поверил в собственную неуязвимость и стал пренебрегать основами безопасности. Вот и поплатился.

– Ладно, это нам на руку. Но дочь держат в заложниках не с его подачи? – заметил Павел Егорович.

– Не с его, – признал Авдеев. – Но красть у своих тоже как-то нехорошо.

– Согласен... Ты знаешь, что нужно делать?

Взгляд Ефимцева враз посуровел. В какой-то момент Авдееву показалось, что взгляд этот способен прожечь на его лбу дыру. Начальник службы безопасности не без труда выдержал жар бледно-голубых глаз.

Ефимцев был красноречив даже в молчании, а уж легкий нажим в конце фразы следовало воспринимать, как парочку восклицательных знаков.

– Конечно. – Посмотрев на часы, Афанасий продолжил: – Сейчас Мартынов находится у своей любовницы. Выйдет от нее часа через три, так они условились. Так что мы готовы его встретить.

Павел Егорович махнул рукой, давая понять, что блиц-заседание завершено. Авдеев сдержанно пожал ему руку и почувствовал, что пальцы у генерального были холодные. Прежде он не замечал за ним такого.

Глава 10

ПОДХОДЯЩАЯ КАНДИДАТУРА 31 АВГУСТА

– Неделю назад к пиратам попала дочь Ефимцева...
– Того самого? – удивился контр-адмирал Шестаков.
– Да. – Вице-адмирал выдержал паузу. – Он ведь наш однокашник, если не забыли.
– Что же понадобилось дочери олигарха в этих водах?
– К пиратам она попала не одна, вместе с ней был ее муж. Представляете? Они поплыли в свадебное путешествие вдоль берегов Африки!

– Похоже, что лучшего места им отыскать не удалось.
– Сидели бы где-нибудь в пятизвездочном отеле на Мальдивах, ничего подобного бы не случилось. Отец рвет и мечет, говорит, что привлечет международную общественность, но дочь обязательно вытащит. Ну что ему сказать? Я не хотел его особенно пугать, просто привел пример, что неделю назад ООН отправил на границу Пунтленда и Сомалийской Республики небольшой контингент своих представителей, так они попали в засаду и практически все были уничтожены. Что самое интересное, противоборствующие стороны объединились, чтобы расстрелять подошедший отряд. Вот такие там дела. Но, насколько мне известно, девушку с ее молодым мужем пока еще не тронули. Для них это всего лишь товар, который можно выгодно продать.

– А где именно была захвачена их яхта?

Вице-адмирал Головин Марк Захарович пересек кабинет, больше напоминающий конференц-зал, подошел к большому экрану, на котором высветилась карта Африки и, ткнув в побережье, напоминающее рог носорога, остро выступающее в море, заговорил:

– Яхта с дочерью Ефимцева и его зятем была захвачена вот в этом районе, – длинная указка очертила небольшой круг, – километрах в пятидесяти от берега. Предположительно она захвачена пиратами из клана Дарод. В настоящее время это наиболее организованная сила в Сомали, в их распоряжении значительные людские ресурсы, хорошее вооружение и неплохая техническая база. Большую часть средств, что поступают за выкуп, они тратят на перевооружение, закупают современные лодки, корабли. В спорах очень неуступчивы, на своем стоят до последнего. Причем это первый случай, когда наши люди были захвачены именно этим кланом. На Ефимцева уже вышли их представители из Лондона.

– Каким образом? – спросил контр-адмирал Шестаков, сидевший с правой стороны длинного стола.

– На его офис послали факс с фотографией дочери и письмо, в котором пираты выставили свои условия.

– И чего же они хотят?

– Десять миллионов долларов. Так что ситуация складывается весьма серьезная. Ефимцев обратился к нам за помощью, со своей стороны мы ему посоветовали пока не отдавать деньги. Но он человек, как вы знаете, горячий, во многом непредсказуемый, так что может не послушать нас и заняться переговорами самостоятельно. Но ясно одно, если мы будем бездействовать, то сомалийцы и дальше начнут захватывать наших людей и российские корабли.

– А какова ситуация в Сомали? – спросил капитан первого ранга Олег Невзоров.

– В настоящее время ситуация в Сомали остается серьезной и сложной. Гражданская война разорвала страну на три части, – заостренный конец указки очертил три небольших круга, – в каждой из которых имеется собственное правительство. Если выразаться более

точно, то в стране царит самая настоящая анархия. Какой может быть порядок, если сомалийцы даже не придумали, как будет называться их собственное государство!

– А хоть предложения какие-нибудь по этому вопросу были? – хмыкнул контр-адмирал.

– Имеются. Сторонами было предложено несколько названий, в том числе Сомалийская Федеративная Республика и Федеративная Переходная Республика Сомали. В итоге сторонами было решено сохранить прежнее название Сомалийская Республика. Представителями кланов и политических движений было выбрано Переходное Федеральное правительство, признаваемое международным сообществом в качестве законной власти. Однако в действительности правительство не имеет никакой реальной власти. – Вице-адмирал отрицательно покачал головой. – В настоящее время федералы контролируют лишь некоторые районы Могадишо, столицы Сомалийской Республики.

– А кто же тогда контролирует остальные части Сомали? – снова полюбопытствовал Невзоров.

– Страна поделена на кланы, вот они и владеют. Но это еще не все. Сомали – мусульманская страна, и большим влиянием как в Могадишо, так и во всей стране, пользуются различные религиозные партии. Сюда же, в Сомали, перебазировались значительные силы террористов, там они чувствуют себя довольно комфортно.

– Чего же они хотят?

– Наша разведка установила, что безобразия, которые сейчас творятся на море, как-то связаны с террористами и являются своеобразной подготовкой к какой-то предстоящей крупной акции. И наша задача заключается в том, чтобы выяснить, что же именно они планируют.

– Какие группировки контролируют Сомали? – спросил неугомонный Невзоров.

– Юг и юго-запад Сомали контролируют сильные группировки моджахедов исламских движений «Аш-Шабааб» и «Хизб-уль-Ислами». На севере Сомали имеется еще и Республика Сомалиленд, объявившая миру о своей независимости. В настоящее время ее признало несколько государств Африки и Латинской Америки. А в ее столице – Харгейсе, уже находятся несколько посольств из Африки, в том числе и весьма влиятельное эфиопское. Но даже в этой республике не все благополучно, внутри нее действуют сепаратистские настроения. Например, от нее отделились территории Нортленд и Маахир. В центральной части Сомали действуют несколько враждующих хорошо вооруженных группировок, добивающихся самостоятельности от центра. К ним же примыкают сильные кланы сомалийских пиратов. Мусульманское общество весьма неоднородно. Союз исламских судов раскололся на радикальных, существующих на юге, и на умеренных, в центре Сомали. Так что ситуация весьма непростая. На наших глазах произошло крушение государства, и сейчас на его обломках возникает пиратская республика.

С этой точки зрения территория подобрана идеально, и вряд ли где на земном шаре можно отыскать более благоприятное место. Сами посудите. – Вице-адмирал Головин ткнул указкой в карту северо-восточной Африки. – Через Суэцкий канал ежегодно проходит двести тысяч судов. Это танкеры, доставляющие ближневосточную нефть, сухогрузы с различным товаром, от ноутбуков до автомашин. Так что пиратам не нужно курсировать даже по морю в поисках подходящей добычи, как это было три-четыре столетия назад. Им достаточно только отплыть на пару десятков километров от берега и спокойно приступить к грабежу судов! Для сомалийцев подобное местоположение – настоящий пиратский рай! Если хотите, Клондайк... Тем более, что все суда гражданские и не окажут особого сопротивления, так что хватай всех скопом, веди на берег и требуй за них выкуп! Да еще и за судно, и за груз. Аппетиты сомалийских пиратов в последние годы особенно возросли: если раньше они довольствовались лишь какой-нибудь яхтой, случайно зашедшей в Аденский залив, и, скажем, небольшим сухогрузом с низким бортом, экипаж которого человек пять, то сейчас, осознав свою безнаказанность, они нападают на крупные торговые суда водоизмещением в тысячи тонн. Раньше они просто забирали мелочь, что находили у своих заложников, сейчас же им подавай выкуп на многие

миллионы долларов! А это уже не шутка. И день ото дня они все больше наглеют. На деньги, которые они берут за заложников, покупают быстроходные катера, способные догнать любое транспортное судно, приобретают самое современное автоматическое оружие и гранатометы.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.